

ЖЕНЩИНА

ВЪ

ДОПЕТРОВСКОМЪ ОБЩЕСТВЪ

И. Е. ЗАБЪЛИНА

ИЗЪ СОЧИНЕНІЯ ТОГО ЖЕ АВТОРА:
«ДОМАШНІЙ БЫТЪ РУССКИХЪ ЦАРИЦЪ ВЪ ХVI И ХVII СТ.»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА

Котошихинъ въ извѣстномъ своемъ сочиненіи «о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича», рассказываетъ, что когда были московскіе послы на свадьбѣ у Польскаго короля, то правили посольство и подносили свадебные дары отъ царя и отъ царицы особо королю и особо королевѣ. Править посольство значило исполнять его самолично предъ лицомъ потентата. Желая въ той же мѣрѣ отблагодарить Московскаго царя, и Польскій король посылалъ къ царю своихъ пословъ и велѣлъ посольство править и дары подносить отъ себя и отъ королевы, царю и царицѣ, тоже каждому особо, такъ, какъ дѣлали наши послы въ Польшѣ. Этого, конечно, требовало обычное вѣжество, обыкновенный этикетъ во взаимныхъ сношеніяхъ двухъ государей. Но, справивъ посольство и поднеся дары царю, Польскіе послы, по московскому обычаю, не были допущены къ царицѣ. «А къ царицѣ посольства править и ее видѣть не допустили, говоритъ Котошихинъ, а отговорили тѣмъ: назвали царицу больною; а она въ то время была здорова. И слушалъ у пословъ посольства, т. е. обычныя рѣчи, и дары

за царицу принималъ царь самъ». Точно тоже случилось съ англійскимъ посломъ, пріѣзжавшимъ къ царю съ дарами по такому же поводу въ 1663 г.

Для чего такъ творять? вопрошаетъ Котошихинъ, желая раскрыть иноземцамъ, для которыхъ онъ писалъ свое сочиненіе, истинныя причины этого обычая, и дѣлая съ этою цѣлью свой достопамятный отвѣтъ.

«Для того, отвѣчаетъ онъ, что московскаго государства женскій полъ грамотѣ неученые, и не обычай тому есть, а породнымъ разумомъ простоваты, и на отговоры несмышлены и стыдливы: понеже отъ младенческихъ лѣтъ до замужества своего у отцовъ своихъ живутъ въ тайныхъ покояхъ, и опричь самыхъ ближнихъ родственныхъ, чюжіе люди, никто ихъ, и они людей видѣти не могутъ. И потому можно дознаться, отъ чего бѣ имъ быти гораздо разумными и смѣлыми. Также какъ и замужъ выдуть, и ихъ потомужъ люди видають мало. И только бѣ царь въ то время учинилъ такъ, что польскимъ посломъ велѣлъ бы быть у царицы своей на посольствѣ; а она бы, выслушавъ посольства, собою отвѣта не учинилабъ никакого, и отъ того пришлобъ самому царю въ стыдъ» ¹⁾.

Настоящій случай, почему царица не вышла принять посольство, Котошихинъ объясняетъ не

¹⁾ Котошихинъ, стр. 44.

совсѣмъ вѣрно, ибо править посольство иноземнымъ посламъ прямо предъ лицомъ царицы строго воспрещалъ старо-давній обычай. Послы не могли видѣть царицу не потому, что царь боялся стыда отъ ея несмышленныхъ и стыдливыхъ отговоровъ, а потому, что хоромы царицы были совсѣмъ недоступны не только для иноземныхъ пословъ, но и для своего народа, даже для всего боярства и всего Двора, за исключеніемъ самыхъ близкихъ ей людей, обыкновенно близкихъ ей родственниковъ или самыхъ довѣренныхъ слугъ Двора. Но, не вѣрно объясняя частный случай, Котошихинъ очень вѣрно и вполне обстоятельно изображаетъ вообще положеніе женской личности въ нашемъ старомъ обществѣ, рисуетъ дѣйствительность, надъ постепеннымъ созиданіемъ которой усердно работали цѣлыя вѣка и цѣлый рядъ поколѣній. Короткими словами, но очень живо, онъ рисуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и характеристику самого общества, ибо характеристика женской личности всегда служитъ вполне вѣрнымъ изображеніемъ самого общества. Напрасно мы будемъ отвергать суровую, быть можетъ слишкомъ жестокую правду этого отзыва, приводя въ доказательство нѣкоторыя имена, заявившія своею жизнію и умственную и нравственную самостоятельность женской личности; напрасно мы будемъ смягчать простую и можетъ быть оттого слишкомъ грубую и рѣзкую силу этихъ неподкупныхъ словъ, указывая на нѣкоторыя идилліи, въ которыхъ выражались, иногда даже очень благодушно, семейныя и общественныя отношенія

женской личности и которыя, сказать по правдѣ, въ той красотѣ, какая имъ приписывается, существуютъ только въ воображеніи добрыхъ защитниковъ всего добраго и нравственнаго по формѣ. Ни одиночное какое либо имя, т. е. личность, которая всегда можетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ жизни, выдвинуть себя изъ общаго теченія, даже съ особенною славою; ни благодушная какая либо идиллія, которая точно также бываетъ, какъ и все и всегда бываетъ и случается въ человѣческой жизни, словомъ сказать: никакія частныя и потому случайныя явленія не въ состояніи заслонить отъ насъ въ этихъ словахъ настоящій свѣтъ жизненной правды, настоящій свѣтъ дѣйствительной, а не воображаемой жизни. Отзывъ Котошихина оправдывается не какими либо исключительными одиночными явленіями, а всѣмъ строемъ допетровскаго Русскаго быта, общимъ положеніемъ и умоначертаніемъ тогдашней жизни, всею нравственною стихіею общества. Нѣкоторыя историческія явленія, нѣкоторыя юридическія опредѣленія, придававшія женщинѣ самостоятельный смыслъ, не могутъ колебать самой основы старыхъ воззрѣній. Такія личности, какъ напр., Софья Витовтовна — литовка, Софья Ѳоминишна — гречанка, Елена Васильевна Глинская, — тоже иноземка, которыя, какъ извѣстно, пользовались нѣкоторою долею женской свободы, по крайней мѣрѣ иногда принимали лично иноземныхъ пословъ и не прятались въ своихъ хоробахъ, когда обстоятельства требовали ихъ участія въ подобныхъ церемо-

ніяхъ¹⁾); такія личности, какъ иноземки, ничего не могутъ объяснять въ отношеніи общей характеристики. Нѣкоторая доля самостоятельности принадлежала имъ отчасти потому, что онѣ были чужія, что личность ихъ, по ихъ иноземству и по высокому значенію ихъ рода, сама собою уже пріобрѣтала въ глазахъ Русскаго общества особенное, независимое положеніе, которое ни въ какомъ случаѣ не могло равнять ихъ съ своими, а потому и освобождало нѣкоторые ихъ поступки отъ привычныхъ ограниченій женскаго быта. Но, воспитанныя въ обычаяхъ, дававшихъ бѣльшій просторъ женской личности, онѣ, однакожь, въ московскомъ дворцѣ, должны были жить такъ, какъ повелось изстару, т. е. должны были подчиниться тѣмъ понятіямъ и порядкамъ жизни, какіе повсемѣстно господствовали въ Русской землѣ. А эти понятія почитали весьма зазорнымъ всякое обстоятельство, гдѣ женская личность пріобрѣтала какой либо общественный смыслъ. Эти понятія признавали ея свободу и то въ извѣстной мѣрѣ, въ однихъ лишь семейныхъ отношеніяхъ и въ положеніяхъ исключительно семейнаго общежитія. Какъ скоро обще-

1) Контарини рассказываетъ между прочимъ, что при его отъѣздѣ изъ Москвы В. К. Иванъ Вас. пожелалъ, чтобъ посольскій представилъ В. Княгинѣ Софьѣ, «что и было мною исполнено съ приличными привѣтствіями и поклонами. Великая княгиня обошлась со мною весьма вѣжливо и ласково и убѣдительно просила поклониться отъ нея свѣтлѣйшей нашей республикѣ (Венеціанской). Послѣ сего я распустился съ нею и возвратился въ свое жилище». Подобныя приемы впоследствии были уже немыслимы.

жизнѣ принимало какую либо форму общественности и изъ домашней, семейной сферы переходило въ сферу жизни публичной, тогда и обнаруживалось, что женская личность не имѣетъ здѣсь своего мѣста, что безъ особеннаго зазора въ публичномъ общежитіи она не можетъ становиться рядомъ съ личностью мужчины. Извѣстная выработка идей и представленій въ этомъ направленіи привела вообще къ тому, что женская личность своимъ появленіемъ въ обществѣ нарушала какъ-бы цѣломудріе публичнаго общежитія, не говоря уже о томъ, что собственное ея цѣломудріе при такомъ подвигѣ, въ глазахъ вѣка, погибало окончательно. Одному мужчинѣ исключительно принадлежали интересы общественности. Онъ одинъ обладалъ правомъ жить въ обществѣ, жить общественно. Женщинѣ оставалась обязанность жить дома, жить семейно, быть человѣкомъ исключительно домашнимъ, и въ существенномъ смыслѣ быть вмѣстѣ съ домою и домочадцами только орудіемъ, средствомъ для жизни общественнаго человѣка — мужчины.

Въ одномъ только случаѣ самостоятельность женщины являлась законною и неоспоримою, въ томъ случаѣ, когда она становилась главою дома; а это могло произойти лишь при томъ обстоятельстве, когда по смерти мужа, она оставалась матерю вдовою, т. е. вдовою — матерью сыновей. И мы видимъ, что матерая вдова въ древнемъ Русскомъ обществѣ играетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мужскую роль; мы видимъ, что типъ этой

личности приобрѣтаетъ сильныя самостоятельныя черты и въ общественной жизни и въ историческихъ событіяхъ, а слѣд. и въ народной поэзіи, въ былинахъ и пѣсняхъ. Она пользуется и значительными юридическими правами.

Но матерая вдова все-таки была явленіемъ случайнымъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ исключительнымъ. Личность ея никакъ не можетъ служить мѣрою самостоятельности женской личности вообще. Матерая вдова являлась случайнымъ представителемъ дома, семьи, которая стояла уже такъ сказать на материкѣ, т. е. на корню, ибо сыновья всегда придавали семьѣ именно это значеніе корня. Вдова бездѣтная, у которой не оставалось подъ ногами материка или корня, у которой со смертью мужа разрушалась и семья, такая вдова по убѣжденію вѣка равнялась въ своемъ значеніи съ сиротою, и въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи вмѣстѣ съ сиротами, убогими, калѣками и пр. и всѣми беззащитными личностями поступала подъ покровительство церкви, причислялась къ людямъ церковнымъ, богадѣльнымъ, т. е. къ людямъ, забота объ участи которыхъ была дѣломъ божьимъ, потому что не была дѣломъ общественнымъ. Вотъ почему вдова безъ сына почитаетъ себя тоже сиротою. Одно это можетъ уже свидѣтельствовать, что личность женщины не имѣла ни малѣйшей общественной самостоятельности и какъ скоро выдѣлялась изъ семьи, гдѣ только и сохраняла извѣстную долю самостоятельности, то теряла и эту малую долю самостоятельнаго значенія и при-

равнивалась ко всѣмъ спротествующимъ, совершенно беззащитнымъ въ общественномъ смыслѣ, такъ что по необходимости переходила подъ опеку церкви, подававшей ей руку вмѣсто общества, которое отрицало въ женскомъ достоинствѣ всякій смыслъ личности, имѣвшей какія либо общетвенныя, а не семейныя только домашнія права.

Идиллики исторіи очень серьезно и съ подобающею ученностью, съ ссылками на лѣтописи и другіе источники, съ выписками подлинныхъ текстовъ, что напр. «красота жены цѣнилась»: Святославъ женить сына Ярополка на плѣнницѣ гречанкѣ «красоты ради лица ея»; Ольга удивляется красотой лица греческаго императора; что «жена имѣла право на часть мужаина имѣнія; что всѣ заботы о дѣтяхъ возлагались на мать; что попеченія и заботы, которыя употребляла мать при воспитаніи дѣтей своихъ, давали ей въ народномъ воззрѣніи неоспоримое право на уваженіе послѣднихъ; что тѣсная связь матери съ дѣтьми не могла не оказывать вліянія на послѣднихъ: характеръ матери явственно отражался и въ дѣтяхъ; что дѣвушку не стѣсняли въ ея дѣйствіяхъ (слѣдуютъ доказательства и подтвержденія о томъ, какъ дѣвицы постригались въ монахини); что дочь дѣвица имѣла участіе во всѣхъ событіяхъ своей семьи; что покидая семью родительскую, при выходѣ замужъ, дѣвушка однако не прерывала связи съ нею; что воспитанная въ общемъ кругу родной семьи, одинаково согрѣтая любовью отца и матери, русская женщина этого времени (до Монголовъ), являясь

женою, стоитъ нравственно на одномъ уровнѣ съ мужемъ. Въ этомъ лежитъ объясненіе тѣхъ отношеній, которыя возникаютъ между ними. Подружье — названіе жены въ книжномъ языкѣ, ладою зовутъ жена мужа въ языкѣ народномъ. Равна жена мужу въ законѣ: кто убьетъ жену — тотъ же судъ, какъ за мужа. (Здѣсь однакожь законъ, Русская Правда, говоритъ вообще объ убійствѣ женщины, а не о женѣ мужа). Любите жену свою, учить дѣтей хорошій отецъ (Владиміръ Мономахъ, который тотчасъ же и прибавляетъ другое поученье, пропускаемое авторомъ: но не дайте имъ надъ собою власти, что особенно значить: властвуйте надъ ними). Жена стоитъ рядомъ съ мужемъ, живетъ съ нимъ одною жизнію, раздѣляя радость и горе, сонутствуя ему всюду, участвуя въ самыхъ сокровенныхъ его думахъ. Мужъ видитъ въ ней лучшаго друга, спутника жизни, повѣряетъ ей все; что гдѣ бы ни былъ мужъ, мысль о женѣ не покидаетъ его; что жена была не стѣснена въ своей жизни, могла дѣйствовать свободно-доказательства: Верхуслава ведетъ перенеску съ епископомъ Симономъ, принимаетъ большое участіе въ монахѣ Поликарпѣ, желая устроить его гдѣ либо епископомъ, вотъ и все; что жена могла имѣть свою собственную землю, села; жена независимо отъ мужа могла имѣть свою казну и т. д. ¹⁾).

Подобныя идилическія заключенія носятя въ

¹⁾ Русская женщина въ до-монгольскій періодъ. Историческое изслѣдованіе Александра Добрякова. Сиб. 1864 г. Стр. 32, 34, 35, 39, 57, 58, 62, 69, 77, 78 и мн. др.

сознаніи многихъ изыскателей нашей старины; но въ сущности онѣ обнаруживаютъ только какое-то странное сомнѣніе во всемъ томъ, что составляетъ существо человѣка, будетъ ли онѣ мужчина или женщина, и что никогда не подвергалось спору, въ чемъ ни одинъ разсудительный человѣкъ никогда и нигдѣ не могъ сомнѣваться. Всѣ выводы, съ такимъ усердіемъ добытые изъ лѣтописей, житій, грамотъ и т. д., сводятся къ одному, что жена любила мужа, а мужъ любилъ жену; что мать любила дѣтей, а дѣти любили мать; что женщина, какъ членъ семьи, пользовалась семейными правами, пользовалась извѣстными правами какъ человѣкъ вообще и какъ членъ семьи въ особенности. Кто же могъ когда либо въ этомъ сомнѣваться. Исторія застаётъ древнюю Русь именно на той степеніи историческаго развитія, когда семья составляетъ единственный и непосредственный узелъ народной жизни, когда семья составляетъ существо, основу народнаго быта; когда, слѣдовательно, семейныя добродѣтели являются неизбѣжнымъ послѣдствіемъ, естественнымъ продуктомъ жизни. Доказывать ученымъ образомъ, что мужъ любилъ жену, а мать любила дѣтей, все равно, что доказывать, что и въ старину жили также люди. Не въ томъ дѣло, имѣла ли женщина-человѣкъ человѣческія чувства, находилась ли въ человѣческихъ отношеніяхъ къ отцу, къ мужу, къ дѣтямъ; вообще, не въ томъ дѣло, что именемъ женщины обозначался человѣкъ женскаго пола; дѣло въ томъ, пользовался ли женскій полъ общественными пра-

вами наравнѣ съ мужскимъ поломъ, т. е. въ равной половинѣ; была ли женская личность самостоятельна въ обществѣ именно этою своею женскою половиною; почиталась ли женская половина необходимою и самостоятельною половиною не семьи, а самого общества; или же эта половина въ сущности была только придаткомъ къ тому цѣлому, которое выражалось лишь одною личностью мужчины; вообще: была ли женская личность самостоятельна въ обществѣ сама по себѣ, какъ личность женщины, или же ея самостоятельность опредѣлялась только ея принадлежностью къ личности мужской, какъ напр., значеніемъ жены мужа, матери сына и т. п.

Вотъ вопросы, которые возникаютъ сами собою, когда намъ бреваемся узнать, каково положеніе женской личности въ донетровской Руси. Мы, однимъ словомъ, не должны смѣшивать понятій и свидѣтельствъ о правахъ женщины, какъ члена семьи, какія бы ни были эти права, нравственные или юридическія, съ понятіями и свидѣтельствами о ея правахъ, какъ члена общества. Смѣшеніе, безразличіе этихъ понятій и производитъ путаницу въ нашихъ представленіяхъ о характерѣ и общественномъ положеніи древнерусской женщины.

Само собою разумѣется, что въ этомъ случаѣ необходимо прежде всего узнать важнѣйшее обстоятельство, именно: признавало ли и могло ли признавать женщину своимъ членомъ древнерусское общество; а еще ближе, что такое было, каково было это самое общество, признавало ли оно

вообще общественныя права личности, почитало ли оно личность общественною единицею, самостоятельнымъ цѣлымъ, которымъ держится само общество; ибо самостоятельность женской личности является лишь тамъ, гдѣ является самостоятельность человѣческой личности вообще, гдѣ общество носитъ въ своемъ сознаніи, а слѣд. и въ своемъ развитіи самую идею личности, идеаль чело-вѣческаго достоинства, независимо ни отъ какихъ частныхъ, случайныхъ бытовыхъ его опредѣленій.

Очень понятно, что Русское донетровское общество въ своемъ взглядѣ на достоинство женской личности не могло стоять выше тѣхъ убѣжденій, которыя господствовали вообще въ средне-вѣковомъ европейскомъ обществѣ, которыя господствуютъ во всякомъ обществѣ младенчествующемъ. Точно также, какъ и вездѣ, на равной степени общественнаго развитія, Русское общество опредѣляло нравственныя и общественныя права женской личности ветхимъ и по преимуществу восточнымъ сознаніемъ, что лицо женщины, каково бы ни было ея положеніе, не есть половина, а есть все-таки, въ отношеніи мужчины, — величина меньшая; что женщина, сравнительно съ мужчиною, есть малолѣтокъ, недоросль, членъ общества несовершеннолѣтній. Сама женская природа способствовала развитію такого убѣжденія.

Въ первую эпоху человѣческой жизни въ понятіяхъ и представленіяхъ чело-вѣка господствовали и управляли всею его дѣятельностью идеаль бога-

тыря, т. е. идеаль собственно физической силы челоуѣка. Въ то время физическая сила была первою необходимостію для челоуѣка, а слѣд. первымъ, самымъ высшимъ, почти исключительнымъ его достоинствомъ. Въ то время, по естественнымъ причинамъ, челоуѣкъ вездѣ въ своей дѣятельности долженъ былъ богатырствовать, богатырски завоевывать себѣ положеніе и побѣждать природу больше силою плеча, чѣмъ силою ума. Богатырство было исходнымъ началомъ его жизни, оно же стало и высшимъ его идеаломъ. Подъ вліяніемъ этого-то идеала и созидались постепенно всѣ первобытныя воззрѣнія челоуѣка: въ его мѣру онъ мѣрилъ и всѣ свои первоначальныя отношенія, всѣ положенія своей жизни.

Очень понятно, что, по физиологическимъ особенностямъ своей природы, женская личность не могла приравняться къ этому идеалу, къ этой первозданной и тогда единственной мѣрѣ челоуѣческаго достоинства. Правда, что въ богатырскій вѣкъ и она должна была носить въ себѣ нѣкоторыя богатырскія черты; но исполнѣ сдѣлаться богатыремъ ей было невозможно. Призванная природою къ рожденію дѣтей и ко всѣмъ тяжкимъ послѣдствіямъ этого дѣйствія природы, каково воспитаніе или собственно вскормленіе ребенка и т. д., женщина однимъ этимъ дѣйствіемъ природы обрекалась уже на страдательную, исполнѣ зависимую роль предъ личностью богатыря—мужчины, не говоря уже о томъ, что самый ея организмъ, сравнительно слабый и нѣжный, никогда не могъ равнять

ея физическія силы съ силами мужчины. Вотъ естественная причина, по которой богатырскія воззрѣнія первобытнаго человѣка очень легко могли воспитать въ его сознаниі мысль о великомъ различіи женскаго существа отъ мужского. Различіе въ физическихъ силахъ обоихъ половъ было слишкомъ очевидно, а между тѣмъ богатырскія силы, какъ мы сказали, были единою мѣрою человѣческаго достоинства, единою оцѣнкою достоинства каждой личности. Такимъ образомъ сама природа женщины, вовсе неспособная отвѣчать своею дѣятельностью первозданнымъ идеаламъ человѣка, указывала женской личности мѣсто, которое въ отношеніи ея самостоятельности всегда колебалось, да и до сихъ поръ колеблется между мужчиною и его дѣтьми.

Съ богатырской точки зрѣнія женщина—существо слабое, не только физически, но и нравственно и умственно. Она отличается дѣтскими чертами. Она даже и создана отъ кости самого богатыря; она въ сущности его ребенокъ; поэтому зависимость, повиновеніе—вотъ ея идеалы, которыми она и воспитывается въ теченіи тысячелѣтій, т. е. во все то время, когда въ быту человѣческомъ долженъ былъ господствовать идеаль богатырскій. Вообще достоинство женской личности на основаніи этихъ первозданныхъ идей было возведено въ идеаль милой жертвы, милой хоти, какъ выразилось Слово о полку Игоревомъ. Соотвѣтственно этому идеалу цѣнились и всѣ качества женской личности, вся такъ называемая женственность,

какъ исключительная сила ея природы, понятая лишь такъ, какъ требовалъ именно этотъ идеаль. Въ этомъ идеаль и выразился весь жизненный смыслъ женской доли, весь смыслъ ея роли общественной, а стало быть и исторической.

Мы не должны также забывать, что эпоха богатырскаго идеала была вмѣстѣ съ тѣмъ и эпохою идеала родительскаго, т. е. идеала родительской опеки, по которому всякая, почему либо зависимая личность иначе не представлялась, какъ въ образѣ малолѣтства.

Естественно, что навсегда слабая и зависимая женская личность должна была навсегда же сохранить въ своемъ лицѣ образъ нескончаемаго дѣтства, ибо такова была сила первоначальныхъ богатырскихъ и патріархальныхъ убѣжденій чело-вѣка.

Само собою разумѣется, что тѣже первоначальныя убѣжденія и идеалы управляли и нашимъ бытовымъ развитіемъ. У насъ по причинѣ нашей молодости они сохранились даже съ большею свѣжестью, чѣмъ у другихъ европейскихъ народовъ. Богатырскія идеи, какъ и идеи родительской опеки у насъ живутъ еще до сихъ поръ, а въ допетровскую эпоху онѣ были въ полномъ цвѣту.

Идеаль родительской опеки былъ основателемъ и устроителемъ всего нашего быта. По этому идеалу создавалось наше общество и государство. По этому идеалу наше общество представлялось совокупностью семьи или родни, такъ что его разряды или ступени, особенно низменные, иначе и не

представлялись, какъ малолѣтними и постоянно обозначались именами родства, каковы были, отроки, пасынки, дѣтскіе, молодь. Самые низменные въ общественномъ смыслѣ именовались сиротами, т. е. людьми несчастными въ смыслѣ родства, а стало быть и въ общественномъ смыслѣ, каково было вообще неслужилое земледѣльческое и промышленное сословіе, необладавшее властнымъ положеніемъ въ обществѣ — государствѣ.

По идеалу родительской опеки, не только личность женщины, но и личность мужчины не имѣла никакого самостоятельнаго, независимаго значенія, но той причинѣ, что этотъ идеалъ вообще не признавалъ, да и не могъ понять самой идеи личности. Онъ зналъ только идею рода, идею отечества, т. е. идею принадлежности лица извѣстному отцу или роду, идею полной зависимости лица отъ своего родства, вообще идею его дѣтства, а не идею его свободы и самостоятельности. Для него независимая личность получала смыслъ личности гулящей, какъ и назывались вольные люди, которые такъ сказать выпадали изъ родового круга, т. е. изъ круга извѣстной зависимости или принадлежности къ тому или другому общественному разряду жизни.

Идея родовой зависимости построила по своему образцу и всѣ эти общественные разряды, всякую другую зависимость, всѣ общественныя отношенія лица, весь общественный нашъ бытъ, такъ что древне-русское общество въ существенномъ и непосредственномъ смыслѣ есть собственно не обще-

ство, а родство, ибо его общее, его идея заключалась въ идеѣ рода, а не въ идеѣ независимой личности. Вотъ почему и древній нашъ бытъ очень основательно называется родовымъ бытомъ.

Но, говорятъ, у насъ не было родового быта, а былъ общинный бытъ, слѣд. и общественныя отношенія устроивались по другому, т. е. общинному началу; слѣд. не только мужчина, но и женщина пользовалась правами личности самостоятельной и независимой; ибо чтожъ такое община, какъ не совокупность болѣе или менѣе обособленныхъ, самостоятельныхъ, равноправныхъ, независимыхъ личностей. Дѣйствительно, понятіе объ общинѣ не допускаетъ иныхъ представленій въ отношеніи устройства общежитія, въ отношеніи характера общности; общее, значитъ равное для всѣхъ; община значитъ равенство. Въ общинѣ, если она служитъ основой быта, невозможно представить себѣ какой либо иной порядокъ жизненныхъ отношеній, какъ не порядокъ равенства, равноправности всѣхъ частей этого общаго цѣлаго. Все это такъ. Но одно необходимо помнить, именно: какую силу представляетъ каждая часть этого общаго цѣлаго, въ чемъ заключается существенный смыслъ каждой части; какого свойства эта единица, которая служитъ основой, корнемъ всего цѣлаго; носитъ ли въ себѣ эта часть, эта единица, смыслъ отдѣльной обособленной личности, независимой личности человѣка, самого по себѣ; или она изображаетъ совсѣмъ иное свойство, носитъ въ себѣ совсѣмъ иной смыслъ, именно, смыслъ

человѣка не самого по себѣ, а какъ представителя или выразителя чего либо такого, въ чемъ его личность почитается за ничто, не имѣетъ ни малѣйшаго смысла и значенія. Община, какъ равенство вообще, можетъ вмѣщать въ себѣ такія составныя чисти, такія единицы, которыя хотя, по естественной необходимости, и будутъ лицами, но вовсе не будутъ представителями личности. Въ этомъ весь вопросъ. Наша древняя община была въ собственномъ смыслѣ общиною родовъ, или еще ближе общиною хозяйствъ, домовъ, дворовъ, а не общиною независимыхъ личностей. Чтобы уяснить себѣ справедливость такого заключенія, мы должны по необходимости остановиться на спорномъ вопросѣ о характерѣ и свойствахъ нашего древнѣйшаго быта. Въ настоящемъ случаѣ для насъ это необходимо по той причинѣ, что отъ уясненія этого вопроса вполне зависигъ уясненіе вопроса: что такое было древне-русское общество и каково было положеніе въ немъ женской личности?

Люди самыхъ противоположныхъ взглядовъ на существенный характеръ нашей допетровской исторіи будутъ, вѣроятно, согласны въ томъ, что въ древней русской жизни, домашней и общественной, съ особенною силою господствовало и управляло жизнью отдѣльныхъ лицъ патріархальное родительское начало, что оно въ значительной степени господствуетъ даже и теперь. Иначе, конечно, и быть не могло, если непреложна та истина, что Русская земля расплодилась по преимуществу первобытною силою народненія, если родъ былъ не-

посредственнымъ дѣятелемъ въ образованіи народной массы, если на самомъ дѣлѣ онъ былъ растительною органическою клѣточкою, основою строенія каждаго племени и всего народа, если наконецъ сама община явилась только совокупностью этихъ родовыхъ клѣточекъ, совокупностью не отдѣльныхъ лицъ, а отдѣльныхъ хозяйствъ или дворовъ, въ которыхъ замкнулись отдѣльные роды или семьи. Мы пользуемся такимъ усовершенствіемъ, предполагая яснѣе и нагляднѣе представить отношеніе такъ называемаго родового быта къ быту, такъ называемому, общинному.

Такой естественный, почти физическій ходъ народной жизни существовалъ вездѣ. Въ другихъ странахъ онъ еще въ незапамятныя времена подвергся различнымъ колебаніямъ и стороннимъ вліяніямъ и потому очень рано утратилъ свой первобытный обликъ, не оставивъ по себѣ слишкомъ замѣтныхъ слѣдовъ. У насъ, въ нашей исторіи, въ нашей жизни, сравнительно очень молодой, наоборотъ, такіе слѣды можно наблюдать даже въ настоящую минуту.

Родовой бытъ, какъ жизненное историческое начало, для многихъ является предметомъ ошибочной, даже нелѣпой, и къ тому еще нѣмецкой теоріи, а потому не рѣдко предметомъ голословныхъ отрицаній и даже остроумныхъ шутокъ. Намъ кажется, что отрицатели и порицатели родового быта ведутъ споръ собственно о словахъ. Они упрекаютъ противниковъ въ неопредѣленности будто бы понятій, заключающихся въ словахъ родовой,

патріархальный и стараются опредѣлить эти слова, какъ говорится, научно, т. е. исключительно книжнымъ путемъ, болѣе въ духѣ грамматическомъ, чѣмъ историческомъ, болѣе грамматическимъ именно смысломъ отрывочныхъ текстовъ, а не смысломъ самой жизни, разлитой въ общемъ составѣ древнихъ памятниковъ. Оттого они усердно ищутъ въ родовомъ бытѣ учрежденія, съ одной стороны — политическаго, каково напр. государственное устройство, съ другой — юридическаго, въ законахъ и правахъ, и конечно ничего учрежденнаго въ этомъ смыслѣ не находятъ, вовсе забывая, что родовой бытъ не есть фактъ, а есть начало, стихія жизни, которая, какъ стихія, входитъ во всѣ факты, пронизываетъ ихъ, даетъ имъ свою окраску, формируетъ ихъ, но сама нигдѣ въ особое учрежденіе не воплощается. Самое прилагательное: родовой — обозначаетъ только стихійное качество быта и вовсе не указываетъ какую либо учрежденную, т. е. законную его форму. Точно также и существительное, родъ, вовсе не обозначаетъ какого либо учрежденія, т. е. искусственной какой либо формы, выработанной развитіемъ общества. Это, напротивъ, непосредственная, естественная форма человѣческой жизни, произведенная стихійною силою рожденія. Если же эта форма становится нормою, стихіею не только для домашнихъ, но и для общественныхъ отношеній народа, то, замѣчая повсюду ея присутствіе, изслѣдователь съ полною основательностію можетъ и весь народный бытъ

обозначить именемъ этой стихіи, именемъ начала, которое движетъ всѣмъ этимъ бытомъ.

Однакожь отрицатели этого начала утверждаютъ, что «слово родъ значитъ собственно: семья и что поэтому у славянъ родового быта не было, а была семья и община, что Русская земля есть изначала наименѣе патріархальная, наиболѣе семейная и наиболѣе общественная (именно общинная) земля»¹⁾. По смыслу нѣкоторыхъ лѣтописныхъ и другихъ свидѣтельствъ слово родъ дѣйствительно обозначаетъ также и семью и даже семью въ тѣсномъ смыслѣ, на чемъ особенно настаиваютъ защитники семейной и общинной теоріи. Но иначе не могло и быть, потому что семья служитъ составною частью или же зерномъ рода; понятіе о родѣ неизбежно заключаетъ въ себѣ и понятіе о семьѣ. Семья служитъ съ одной стороны, подъ видомъ старшей семьи, его корнемъ, его основою, а съ другой, выражаетъ, подъ видомъ младшихъ семей, его размноженіе, его развѣтвленіе; семья, однимъ словомъ, относится къ роду, какъ частное понятіе къ общему. Не мудрено, что въ текстахъ эти понятія очень часто переходятъ одно въ другое, мѣшаются, и доставляютъ легкую возможность подыскать свидѣтельства, указывающія на тождество семьи и рода. Но чтоже изъ этого выходитъ? Что именно хотимъ мы опредѣлить, называя народный бытъ семейнымъ? Не слишкомъ ли широко, пространно, не слишкомъ ли

1) Соч. К. С. Аксакова. Ч. I. Стр. 92, 93, 124 и др.

обще такое опредѣленіе? Люди всегда жили, теперь живутъ и всегда будутъ жить семейно. Это неизмѣнное условіе человѣческаго быта, которое въ отношеніи характеристики быта у извѣстнаго народа, на извѣстной степени его развитія, ничего доказывать не можетъ. Словомъ «семейный» обозначается именно тотъ тѣсный, или, вѣрнѣе, частный смыслъ жизни, который навсегда останется въ быту человечества, какія бы формы и порядки ни принимало его развитіе; останется какъ естественный, фізіологическій законъ жизни. Намъ кажется, что, говоря фразу: «Русская земля была наиболѣе семейная», мы въ историческомъ смыслѣ ровно ничего не обозначаемъ. Другое дѣло, если мы, не взирая на обыкновенный жизненный смыслъ этого слова, создадимъ собственное понятіе о семьѣ, придадимъ ей свойства и качества, какихъ она никогда не имѣла, именно свойства и качества кроткой и мирной славянской домашней общины и назовемъ эту общину славянскою семьей, въ отличіе отъ обыкновенной семьи, отъ семьи вообще, тогда, конечно, мы откроемъ дѣйствительно характеристическія черты въ нашемъ древнемъ народномъ быту и по необходимости назовемъ его семейнымъ. Оно отчасти такъ и случилось съ защитниками семейно-общиннаго быта славянъ.

«Рода у древнихъ славянъ не было, говорятъ они, а была семья въ тѣсномъ смыслѣ. Въ устройствѣ ея нѣтъ и признака родоначальническаго, патріархальнаго характера. Напротивъ мы видимъ, что всѣ члены въ ней имѣютъ голосъ

въ вопросѣ собственности. Это назвать родовымъ устройствомъ невозможно. Если бы общество было построено на основѣ родового, патріархальнаго быта, такъ, чтобы въ его устройствѣ находилось отраженіе этого быта, мы могли бы признать родовой бытъ основнымъ элементомъ, существующимъ въ народѣ (напримѣръ въ Китаѣ). Но когда предъ нами явленіе совершенно противоположное, когда не только общество, а даже семья построена подъ вліяніемъ общиннаго начала, какъ можемъ мы тутъ найти родовой бытъ?.. Что же вообще была славянская семья? Она была семья; но какъ скоро вопросъ становится общественнымъ, какъ напр. вопросъ о владѣніи (на землю право имѣла вся община), то она, стороною къ этому вопросу, становилась сама общиною. Какъ скоро встрѣчается другой общественный вопросъ народнаго совѣщанія, вѣча, она опять становилась общиною и отъ нее шелъ представитель: или старшій, или избираемый ею (какъ въ «Судѣ Любуши»). Кто изъ дѣтей отдѣлялся отъ семьи и жилъ отдѣльно, тотъ уже отрѣшался отъ семьи и не наследовалъ ей, — семья сжималась въ числѣ. Съ другой стороны она могла расширяться по произволу, могла принимать въ свой составъ роднившихся съ нею и даже постороннихъ, но въ этомъ случаѣ соединеніе дѣлалось относительно хозяйства; собственность не принадлежала всѣмъ принятымъ (вспомнимъ выморочное наследство), но общимъ было пользованіе имуществомъ, во время котораго, въ распоряженіяхъ по имуществу, естественно

имѣли голосъ не только члены самой семьи, но и всѣ тѣ, кого она приняла въ составъ свой. Раздѣлъ же былъ всегда возможенъ, ибо постоянно дѣйствовала живая, свободная воля. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ семья являлась, какъ община, имѣли голосъ не только дѣти, не только семья собственно, но и другія лица, принятые въ семью. Но здѣсь является вопросъ: при такомъ общинномъ значеніи семьи въ извѣстныхъ важныхъ случаяхъ, гдѣ даже дѣти имѣли голосъ, не подрывается ли ея значеніе семейное, кровное? Нисколько, продолжаетъ семейная теорія. «Семейное чувство и семейный бытъ крѣпки были, крѣпки теперь и крѣпки будутъ у славянскихъ народовъ, пока они не утратятъ своей народности. На это доказательствъ такъ много, и прошедшихъ и современныхъ, что мы не считаемъ нужнымъ на нихъ указывать... Семейное начало конечно было твердо и въ тѣ отдаленныя времена, о которыхъ говоримъ, — и было твердо оно, какъ начало чисто нравственное; оно жило въ нравственной свободѣ, въ любви, въ духѣ человѣка; оно было вполне чисто у славянъ, ибо съ нимъ не связывалась выгода, ибо оно не нуждалось въ житейскихъ подпоркахъ. Да и кто мѣшалъ семейной общинѣ свободно и любовно исполнять волю отца? Изъ этого объясненія видимъ мы, какъ свято и нравственно понята была славянская семья, какъ всякій расчетъ былъ удаленъ отъ святого семейнаго чувства (1). Чисто нравственная, чисто духовная сила семейнаго начала (каково оно у славянъ) всего болѣе ру-

чается за существованіе, глубину и вѣковѣчную прочность онаго. А чувство семейное и семейное начало, новторяемъ, глубоко и неразрывно соединено съ существомъ славянина»¹⁾).

Вотъ основанія тѣхъ представленій о древнемъ нашемъ бытѣ, по которымъ этотъ бытъ именуется семейно-общиннымъ, и въ которыхъ сосредоточиваются всѣ доказательства и доводы его защитниковъ или отрицателей родового быта. Мы полагаемъ, что читатель замѣтитъ здѣсь несравненно болѣе теплой любви къ идеалу семейной общины у древняго славянина, чѣмъ основательнаго разъясненія существовавшей нѣкогда живой дѣйствительности; несравненно болѣе фантазіи и стало быть поэзіи, чѣмъ разсудительной, хотя бы и суровой, прозы, разъясняющей существо дѣла. А дѣло это въ томъ, что все, что ни сказано здѣсь о семьѣ-общинѣ, именно объ общинномъ ея значеніи и характерѣ, должно относиться прямымъ и непосредственнымъ образомъ къ понятію не о семьѣ собственно, а о хозяйствѣ, именно о дворѣ; такъ что если вмѣсто слова семья мы поставимъ слово дворъ, хозяйство, по древнему господарство, то получимъ совершенно правильное, вполне соответствующее дѣйствительности представленіе о томъ, что именно намъ ревалась выяснить общинная теорія. Ей необходимо было доказать, что семья славянская была не семьею въ обыкновен-

¹⁾ Соч. К. С. Аксакова, I, стр. 92—93; сравн. также стр. 90 и 91.

номъ смыслѣ, а была въ сущности необыкновеннымъ явленіемъ, она была семья-община. Такому значенію семьи вполне соответствуетъ дворъ. Но почему семья, живущая во дворѣ, приобретаетъ это значеніе? Потому, что существо двора, его корень есть имущество, хозяйство-господарство; а хозяйство-господарство по естественной необходимости ведется, строится, наживается общими, совокупными усиліями, работами и заботами всѣхъ живущихъ на этомъ хозяйствѣ; всѣ, стало быть, вносятъ свою долю труда въ общій оборотъ хозяйства; всѣ, стало быть, имѣютъ полное право и на свою долю пользованія общимъ хозяйскимъ имуществомъ. Изъ того же источника вытекаетъ и относительное равенство голосовъ въ общихъ дѣлахъ хозяйства-двора; непререкаемое право думы, непререкаемое право представительства въ общихъ совѣщаніяхъ. Однакожъ всѣ эти права въ сущности есть простыя естественныя нрава семьи, по которымъ обыкновенно выходитъ, что отецъ обязанъ вскормить свое рожденіе, своихъ дѣтей, а взрослые дѣти обязаны помогать отцу-кормителю, чтобы точно также и самимъ кормиться отъ семейнаго хозяйства; что отецъ необходимо всегда совѣтуется съ возрастными дѣтьми и родичами, а возрастные дѣти и родичи всегда убѣждены, что безъ ихъ думы и согласія онъ никогда ничего не предприметъ по общему для всѣхъ дѣлу. Все это были и есть непосредственныя права рожденія. Самая собственность, дворъ-хозяйство, носила въ своемъ смыслѣ ту же идею кровнаго союза въ ея

вещественномъ проявленіи, т. е. общемъ хозяйствѣ семьи. Дѣти приобрѣтая своимъ рожденіемъ право быть дѣтьми своего отца, вмѣстѣ съ тѣмъ приобрѣтали право пользоваться отцовскою, а по крови, стало быть, и своею собственностію; они и дѣлили ее, когда они, какъ кровь семьи, считали необходимымъ разойтись въ разныя стороны и зажить особою самостоятельною жизнію. Раздѣлялась кровь семьи, раздѣлялась и собственность семьи, какъ вещественное ея выраженіе.

Мы не думаемъ, чтобы къ идеалу такихъ отношеній могло удобно прилагаться понятіе объ общинѣ, а тѣмъ менѣе самое слово: община. Собственность, именно дворъ-хозяйство, придавала семьѣ лишь видъ общины. Эта община была только количествомъ родныхъ лицъ, жившихъ на одномъ хозяйствѣ. Внутри же, въ качествѣ союза этихъ лицъ, въ духѣ этой общины, жила создавшая ее идея кровнаго союза. По этой идеѣ и была построена внутренняя домашняя жизнь этой общины. Она въ полной силѣ господствовала внутри каждаго двора и ни подъ какимъ видомъ не допускала равенства лицъ, тамъ жившихъ, не допускала даже малѣйшей возможности такого равенства, самой мысли о немъ, что съ особенною силою и образностью выражалось всегда, напр. въ отношеніяхъ женатыхъ братьевъ, замужнихъ сестеръ, въ отношеніяхъ свекрови къ невесткѣ, въ отношеніяхъ золовокъ къ той же невесткѣ и т. п. Во дворѣ жила семья, слѣдовательно тамъ жило естественное раздѣленіе людей на отцовъ и дѣтей, на стар-

шихъ и младшихъ по крови. Какая же тутъ можетъ существовать община, т. е. равенство лицъ, правъ. Родитель по естественнымъ причинамъ становился главою и властителемъ своей семьи; въ его рукахъ сосредоточивалась патриархальная опека не только надъ дѣтьми, надъ своимъ рожденіемъ, но даже и надъ матерью этого рожденія, значеніе которой, какъ мы упоминали, всегда колебалось между значеніемъ главы семейства и значеніемъ его рожденія, т. е. его дѣтей. Предъ его лицомъ всѣ члены семьи были по самому существу дѣла малолѣтними. Не говоримъ о томъ, что сила его опеки и власти увеличивалась и развивалась пропорціонально безсилію или даже совершенному отсутствію опеки гражданской, въ собственномъ смыслѣ общественной, которую напрасно мы будемъ воображать въ обществѣ младенчествуемъ. Въ такомъ обществѣ, какимъ было и древне-русское, родительская опека замѣняетъ все то, чѣмъ обезпечивается свобода и нравственное и имущественное положеніе личности въ современномъ быту, всѣ эти государственныя, правительственныя, общественныя учрежденія и многочисленныя гражданскія охраны. Очень естественно, что по той же самой причинѣ въ древне-русскомъ обществѣ родительское начало опеки выросло до размѣровъ, теперь намъ мало даже и понятныхъ.

Мы совершенно согласны съ утвержденіемъ семейно-общинной теоріи, что древне-русская «семья была семья въ тѣсномъ смыслѣ», но никакъ не можемъ согласиться съ другимъ ея утвержденіемъ,

что въ устройствѣ этой семьи «нѣтъ и признака родонаачальническаго патріархальнаго характера», что вообще у «древнихъ славянъ не было рода». Мы, напротивъ, и тамъ именно, гдѣ эта теорія видитъ семью-общину, видимъ только одинъ родъ, не видимъ даже и семьи въ ея прямомъ и тѣсномъ смыслѣ. Понятіе о семейной общинѣ возникло у этой теоріи изъ представленія о собственности, о дворѣ-хозяйствѣ, на которомъ всегда и жила семья-община. Положимъ, что хозяйство заводилось и дворъ строился первоначально одною семьею, въ тѣсномъ смыслѣ семьею. Но такая семья никогда не оставалась замкнутою въ этомъ тѣсномъ смыслѣ; она тотчасъ развѣтвлялась и обыкновенно къ основному хозяйству сами собою приростали другія новыя семьи: являлась община, пожалуй, но община родныхъ семей, община-родня, а въ простомъ смыслѣ являлся родъ. Семья, по просту, разросталась въ родъ, т. е. въ кровную совокупность старшихъ и младшихъ семей, выросавшихъ на одномъ корню. Отецъ становился уже дѣдомъ, прадѣдомъ, дѣти являлись уже внуками, правнуками. Этотъ новый типъ быта, не злоупотребляя словами, мы не можемъ называть семьею, а тѣмъ менѣе общиною. Нельзя называть такъ цѣлую совокупность семей, совокупность родичей, дѣтей рода, а не отца только, между которыми возникаютъ счеты и отношенія уже не семейныя, а именно родовыя. Самое имущество, дворъ, какъ корень матеріальнаго существованія семьи, пріобрѣтаетъ смыслъ имущества уже не семейнаго, а

родового. Конечно, оно становится общимъ имуществомъ, но для кого? Лишь для одного кровнаго родства. Центръ тяготѣнія уходитъ уже къ роду, а не остается только въ семьѣ. Во дворѣ, на общемъ хозяйствѣ живетъ уже родъ, а не семья. Въ дѣйствительности такъ и было въ древней Руси. Дворъ именно былъ средою родового быта, выразителемъ родоваго устройства жизни, былъ экономическимъ, хозяйственнымъ типомъ рода ¹⁾. Въ сѣверной, собственно въ Великой Руси и теперь часто встрѣчается, что во дворѣ живетъ цѣлый родъ, а въ древнее время этому способствовало множество причинъ, напр. самый поборъ дани съ двора, съ дыма, отъ плуга, отъ рала, слѣд. съ хозяйства или тоже съ двора, что, практически, должно было единить родство на одномъ мѣстѣ, принуждало жить въ одномъ дворѣ цѣлымъ племенемъ: «живяху каждо съ своимъ родомъ». Нельзя же полагать, чтобы наши далекіе предки не могли, какъ говорится, двухъ пересчитать, т. е., понять, какъ легче платить дань, съ семьи только или съ цѣлаго рода, когда основою дани была не душа, а хозяйство. Такимъ образомъ выраженіе лѣтописца: «живяху каждо съ своимъ родомъ», мы почитаемъ тишеческимъ, какъ для цѣлаго племени, такъ и для каждой его первоначальной единицы, т. е. для двора, для единичнаго хозяйства. Въ отношеніи пользо-

¹⁾ Срав. превосходную статью Кавелина: Мысли и замѣтки о Русской Исторіи, въ Вѣстникѣ Европы 1866 г., томъ II.

ванія общимъ, т. е. родовымъ имуществомъ, на чемъ собственно и построена семейно-общинная теорія, мы скажемъ, что самымъ выразительнымъ типомъ этого пользованія былъ нашъ княжескій Рюриковскій родъ, для котораго Русская земля была такимъ же дворомъ-хозяйствомъ, какимъ былъ въ собственномъ смыслѣ дворъ-хозяйство для тогдашняго крестьянина. Періодъ княжескихъ междоусобій былъ собственно борьбою за это пользованіе общимъ имуществомъ, въ которой именно никакъ не могли помириться между собою стихіи или, пожалуй, взгляды, родовые и семейные; въ томъ состояла и самая борьба. Впослѣдствіи семейные взгляды побороли, а на семейномъ началѣ выросла и личность, къ чему конечно стремилась вся наша исторія. — Какъ бы ни было, но назвать княжескій родъ общиною по случаю общаго владѣнія и пользованія имъ Русскою землею мы никакъ не сможемъ. Переходя къ частнымъ типамъ такого владѣнія и пользованія, мы еще меньше имѣемъ возможности обзывать ихъ общинами, ибо въ нихъ еще тѣснѣе сжималась стихія рода, чему сильно способствовалъ типическій видъ собственности, дворъ-хозяйство. Это хозяйство было общимъ, родовымъ; но кто собственно властвовалъ надъ этимъ хозяйствомъ, управлялъ имъ? Въ семьѣ управлялъ и властвовалъ родитель и тотъ же родитель властвовалъ и надъ родомъ. Община—родня, какъ совокупность живыхъ лицъ, само собою разумѣется, имѣла въ общихъ дѣлахъ хозяйства и голосъ, и права; но это былъ голосъ и права дѣтей, членовъ

кровнаго союза, а не свободныхъ лицъ, членовъ союза общиннаго. Полагаемъ, что здѣсь существуетъ великая разница. Семья, какъ мы сказали, разрослась въ цѣлый родъ; она становилась пожалуй общиною семей, (хотя это общее представляло все одинъ и тотъ же типъ). Существенное же положеніе ея власти отъ этого нисколько не измѣнялось. Напротивъ, отъ размноженія семьи лицо родителя пріобрѣтало еще большее освященіе; онъ уже былъ не только отецъ, но и отецъ отцовъ, родо-начальникъ; затѣмъ все его рожденіе оставалось въ тѣхъ же естественныхъ отношеніяхъ дѣтства, малолѣтства къ родо-начальнику и въ отношеніяхъ старшинства и меньшинства между собою, смотря по восходящему или нисходящему порядку рожденія. Никакого равенства членовъ здѣсь быть не могло. Равенство или общее для всѣхъ было то, что всѣ были родня между собою, всѣ имѣли и голосъ и права родни, извѣстныя права. О самостоятельной личности здѣсь нельзя и думать. Здѣсь лицо не само себя представляло, а являлось представителемъ извѣстнаго старшинства или меньшинства по степенямъ рожденія. Самый родо-начальникъ вовсе не былъ представителемъ собственнаго лица, собственной своей личности, а представлялъ онъ лишь старшинство рожденія. Въ сущности это былъ олицетворенный родъ. Личное начало совсѣмъ исчезало въ идеѣ рода. Смутное представленіе объ этомъ именно отношеніи личности къ роду, о господствѣ чего-то общаго, вмѣсто личнаго, и понудило семейно-общинную теорію

вообразить здѣсь, вмѣсто рода, общину. Теперь очень трудно войти въ жизненный смыслъ понятій рода, въ эту родовую идею; трудно представить себѣ насколько въ самомъ дѣлѣ были крѣпки, совсѣмъ неразрывны эти узы рода и родства, вязавшія и путавшія личность на каждомъ шагу, во всѣхъ ея даже малѣйшихъ нравственныхъ движеніяхъ. Требовалось дѣйствительное, эпическое богатырство, чтобы вырваться изъ этихъ нравственныхъ узилицъ. Еслибъ эти узы были только семейныя, какъ должно называть ихъ по увѣренію отрицателей родового быта, тогда не объ чемъ было бы и толковать. Въ характеристикѣ быта, какъ мы замѣтили, семейныя узы ничего не опредѣляютъ: онѣ въ такой же силѣ существуютъ и теперь, какъ существовали за нѣсколько вѣковъ и даже тысячелѣтій. Для личной жизни семейныя узы — необходимая нравственная сфера. Личность въ нихъ не пронадаеть, хотя и остается нѣкоторое время пассивною въ лицѣ дѣтей. Другое дѣло именно узы рода и родства, т. е. распространеніе смысла и духа непосредственныхъ семейныхъ связей и отношеній на множество лицъ, составляющихъ уже не семью, а цѣлый родъ и въ иныхъ случаяхъ совсѣмъ постороннихъ старшей семьѣ, напр. въ лицѣ зятьевъ и невѣстокъ. Здѣсь личность совершенно теряется въ сплетеніяхъ родового старшинства и меньшинства и, подчиненная счетамъ этихъ сплетеній, никогда не пользуется самостоятельнымъ независимымъ положеніемъ. Такую связь людскихъ отношеній мы не можемъ называть только семейною,

а тѣмъ еще меньше общинною. Это связь въ прямомъ и точномъ смыслѣ родовая.

Такимъ образомъ, намъ кажется, что отрицатели и порицатели родового быта ведутъ споръ только о словахъ. Они говорятъ, что рода не было, а была семья, что было семейное чувство, семейное начало (жизни), какъ начало чисто нравственное, что семейная община любовно исполняла волю отца и т. д. Со всѣми такими утверждениями мы согласны вполне. Семейное чувство, семейное начало жизни мы почитаемъ нравственною стихіею древнерусскаго быта, основою всѣхъ его жизненныхъ движеній. Мы только, желая вѣрнѣе и точнѣе обозначить свойства этого быта, именуемъ его не семейнымъ, а родовымъ, и въ той семьѣ, какую изобразила намъ общинная теорія, видимъ родъ, въ семейномъ чувствѣ — именно родовое чувство; въ семейной общинѣ — родовую общину или общину-родню. Семьею мы именуемъ семью въ тѣсномъ, т. е. въ ея собственномъ, прямомъ смыслѣ, не почитая умѣстнымъ переносить этотъ смыслъ на новый своеобразный порядокъ жизни, для обозначенія котораго существуетъ свое, ему именно принадлежащее слово. Родъ есть семья семей, что, конечно, не одно и то же съ семьею въ обыкновенномъ смыслѣ. Оттого родъ есть въ то же время и община съ правами извѣстнаго равенства и представительства, какія всегда неизмѣнно принадлежали роднѣ. Родовое чувство, родовое начало, управлявшее нашимъ старымъ бытомъ, есть въ сущности родовая идея, которая была творцомъ нашего

единства, нашей народной силы, творцомъ всѣхъ нашихъ народныхъ добродѣтелей и всѣхъ нашихъ народныхъ напастей, государственныхъ и общественныхъ.

Но была же, однако, община въ древней Руси? Дѣйствительно была и дворъ, этотъ неизбежный сосудъ родового быта, своею внѣшнею стороною, тою стороною, что онъ есть собственность или часть общей земской собственности, является единицею общиннаго быта. Дворъ былъ жилищемъ для семьи-рода, онъ же былъ земскимъ имуществомъ, частью земли, на которой сидѣло племя; въ этомъ послѣднемъ своемъ значеніи онъ и является единицею новыхъ отношеній того же племени, онъ тянетъ къ общимъ дѣламъ земли.

Сидѣнье племени на одной землѣ, владѣнье угодьями этой земли, общее тягло на защиту или въ дань, какое неизбежно являлось отъ сидѣнья-владѣнья на той землѣ,—все это само собою становилось общимъ дѣломъ земли и создавало общинную жизнь.

Въ общихъ земскихъ дѣлахъ кто же долженъ былъ принимать участіе въ общемъ тяглѣ, какъ не хозяинъ земской же единичной собственности, единичнаго хозяйства, частнаго, особнаго сидѣнья на землѣ, особнаго пользованія ея угодьями? Дворъ былъ выразителемъ этой особности. А кто былъ выразителемъ двора? Конечно его хозяинъ, большой. Большимъ же былъ отецъ или родо-начальникъ и никто другой, т. е. въ собственномъ смыслѣ старшій, большой по крови. Такъ было и иначе

быть не могло. Идея отца или родоначальника не умирала; въ однихъ только ея рукахъ соблюдалась власть во дворѣ-хозяйствѣ. Умирало лицо — т. е. отецъ, но идея была безсмертна: въ отца мѣсто вступалъ старшій, большой изъ оставшихся въ живыхъ. Этотъ старшій всегда и былъ выразителемъ жившаго во дворѣ рожденія; естественно, что онъ же всегда былъ и выразителемъ двора, какъ особаго земскаго имущества. Но что же собственно выражалъ онъ въ глазахъ земщины? Для нея выражалъ онъ только особое имущество, только дворъ, въ которомъ жило его рожденіе своимъ особнымъ хозяйствомъ. Земская община, это общее сидѣнье на землѣ, корнемъ своихъ отношеній ничего другого не могла признавать, какъ ту же землю, т. е. недвижимое имущество, иначе пользованіе землею. Изъ этого корня выросло извѣстное равенство всѣхъ членовъ земщины. То есть какихъ же членовъ? Именно частныхъ, особнхъ владѣльцевъ земли, какими были не лица собственно, а дворы-хозяйства. Лицо здѣсь исчезало въ понятіи земской собственности, такъ какъ внутри двора оно исчезало въ сплетеніяхъ кровной связи. Для земской общины нуженъ былъ лишь хозяинъ, представитель своего особаго имущества, но не представитель собственнаго лица. На особомъ хозяйствѣ могла жить одна семья, могли жить нѣсколько семей, цѣлый родъ, со многими домочадцами; но для земской общины всѣ лица, жившія при хозяинѣ, т. е. жившія на особомъ земскомъ хозяйствѣ, не имѣли значенія и

никакого смысла. Для нея смыслъ заключается въ одномъ лишь хозяйствѣ съ его представителемъ. Такимъ образомъ земская община, было ли то въ деревнѣ, въ городѣ, въ цѣлой области, являлась въ существенномъ своемъ смыслѣ общиною хозяйствъ, а не людей, именно общиною дворовъ, совокуиностью хозяевъ домовладыкъ, какъ представителей частныхъ отдѣльныхъ хозяйствъ. Въ ней лицо разсматривалось лишь съ имущественной земской точки зрѣнія, съ точки зрѣнія владѣнья землею, сидѣнья на общей землѣ. Ясно, что здѣсь не было мѣста для нравственныхъ опредѣленій личности, для личности самой по себѣ, для свободной личности въ нравственномъ ея значеніи и смыслѣ, а слѣд. не было и нравственнаго равенства лицъ. Здѣсь существовало одно только имущественное равенство лицъ; здѣсь людей — хозяевъ равняло лишь имущество, а не нравственное достоинство человѣка. Здѣсь не видѣлось даже пути для выработки личной нравственной, а вмѣстѣ съ нею юридической и политической свободы, по той причинѣ, что не личная свобода, а земское имущество составляло здѣсь почву для дѣйствій каждаго члена. Здѣсь наиболѣе независимое положеніе, собственно не свободное, а своевольное, личность могла приобрѣсти лишь посредствомъ богатства, посредствомъ большаго имущества, сравнительно съ другими, т. е. въ существенномъ смыслѣ здѣсь получало наибольшую свободу дѣйствій и относительную независимость одно лишь богатое имущество. Земская община въ своемъ

дальнѣйшемъ развитіи всегда и вырабатывала только аристократію богатства, всегда выдѣляла нѣсколько богатыхъ, а потому какъ бы аристократическихъ родовъ (опять таки не лицъ), которые обыкновенно и заправляли всѣми движеніями общины, опредѣляли и выражали ходъ ея исторіи. Не личность своею нравственною и политическою свободою, своими нравственными и политическими правами давала смыслъ такой общинѣ, а богачъ своими имущественными средствами. Имущество было основою и главною цѣлью нашей древней общины, имущество же должно было преобладать въ ней и порабощать себѣ всѣ другіе интересы. Оно должно было представлять и всегда представляло душу общины. Пластическое доказательство такого именно значенія нашей древней общины представляетъ знаменитая Новгородская община. Никто не станетъ сомнѣваться, что развитіе Новгорода, какъ общины, началось съ той же первоначальной клѣточки, какая создавала общину по всей землѣ, именно съ двора-хозяйства, съ общины деревенской. Уже въ незапамятныя для исторіи времена эта община является политической силою. Она же и начинается нашу исторію изгнаніемъ и призваніемъ варяговъ. Мы видимъ, что варяги понадобились именно для того, чтобы побороть зло, которое по неизбѣжнымъ общиннымъ же причинамъ народилось въ общинѣ. Исторія открывается тѣмъ, что жизнь общины владѣютъ и управляютъ роды: «и вста родъ на родъ»; что варяги призываются противъ этого владѣнья и управленья. Какіе же это

роды? Да тѣ же, которые владѣютъ и управляютъ Новгородскою жизнію во всю послѣдующую исторію, передніе, богатые и потому знатные роды. Исторія черезъ шесть сотъ лѣтъ оканчивается тѣмъ, что такіе же роды и по такимъ же причинамъ призываютъ новаго Рюрика — Московскаго государя. Что же выработано въ 600 лѣтъ? Все то же, что и въ остальной Русской землѣ. Выработано вотчинное право, котораго различіе заключалось лишь въ формѣ его политическаго представительства. Въ южной Руси это представительство выражалось въ цѣломъ княжескомъ родѣ; въ сѣверо-восточной стало выражаться въ одномъ лицѣ, государѣ-вотчинникѣ; въ Новгородѣ оно выражалось въ общинѣ-городѣ; вотчинникомъ былъ городъ, который въ этомъ именно смыслѣ и сталъ потомъ называть себя также государемъ. Въ сущности же вотчинникомъ были родовитые, знатные и богатые его дворы. Это повсюду было сверху; а внутри, въ глубинѣ жизненныхъ отношеній, все оставалось одинаковымъ. Смердъ вездѣ оставался смердомъ; и вездѣ шла подземная борьба меньшихъ людей съ большими. Родъ, какъ нравственная сила, всюду господствовалъ и пригнеталъ личность. Свобода личности не была вовсе мыслима, ни въ вотчинѣ государственной, ни въ общинѣ народной, хотя бы и новгородской. Вершиною новгородской свободы было своеволие меньшинства (богатыхъ родовъ), или своеволие большинства, бѣдныхъ, меньшихъ родовъ, вообще своеволие силы. Между этими двумя видами общинной свободы и колебалась вся новгородская

исторія, до своего конца. Уравнителемъ такихъ свободныхъ движеній жизни и въ народной общинѣ, и у себя въ отчинѣ является все тотъ же Рюрикъ, государь вотчинникъ, представитель личнаго начала, а слѣдовательно и будущій освободитель личности.

Въ самой Москвѣ, когда она устроилась окончательно въ государственную вотчину, мало по малу стало обнаруживаться тоже самовластіе большихъ родовъ надъ всею землею; но здѣсь оно встрѣтило кровавый отпоръ въ лицѣ Грознаго, безъ всякой пощады истреблявшаго этотъ ветхій духъ родового своеволя.

Такимъ образомъ наша древняя община ничего не выработала, да и не могла ничего выработать для нравственнаго и социальнаго освобожденія личности. Она ничего не выработала даже и для матеріальнаго ея освобожденія, ибо новгородская община, какъ община имущественная, вовсе не мыслила однакожь о равенствѣ, напр. о равномъ распредѣленіи земской собственности между всѣми членами общины. У ней, какъ и въ господарской вотчинѣ, земская собственность была раздѣлена слишкомъ неравномѣрно; у ней, какъ и въ господарской вотчинѣ, существовало только равенство правъ на землю, т. е. на пользованіе землею для каждаго плательщика даней, а это составляло первозданную стихію Русской народной жизни по всей Русской землѣ. Эта-то стихія и сохранила Русскій народъ отъ всѣхъ историческихъ и всякихъ вражескихъ напастей; она же создала и государ-

ство, именно какъ охрану и защиту отъ тѣхъ напастей.

Какъ бы ни было, но земская община, даже въ своемъ роскошномъ цвѣтѣ, въ политической своей формѣ, какою были Новгородъ, Псковъ, Вятка, не въ силахъ была высвободить личность и создать для нея равенство правъ нравственныхъ и социаль-ныхъ, въ чемъ заключается все существо дѣла.

Быть народа мы называемъ общиннымъ, желая совсѣмъ устроить другое его опредѣленіе: родовой, какъ противорѣчащее нашему представленію о существѣ общинной идеи. Но чего же мы ищемъ въ этомъ опредѣленіи и что именно хотимъ въ немъ обозначить. Народный бытъ выражаетъ себя и реально, въ извѣстныхъ формахъ; и не реально, одними идеями, которыя незамѣтно имъ движутъ, дѣйствуютъ въ немъ, и которыя всегда гдѣ-то скрываются отъ нашихъ глазъ; стало быть и характеръ народнаго быта можно опредѣлять реальными обозначеніями, вѣрнѣе сказать дѣловыми, и идеальными, иначе нравственными. Бытъ земледѣльческій, военный, торговый, промышленный, казацкій, охотничій и т. д., все это будутъ обозначенія реальныя, дѣловыя, обозначенія дѣла, какимъ занимается народъ. Мы думаемъ, что и бытъ общинный есть не болѣе, какъ только общее, какъ бы матери-ковое обозначеніе однихъ лишь реальныхъ, дѣловыхъ отношеній народа. Община вообще значитъ связь людей въ общемъ дѣлѣ, община земская означала связь людей по землѣ, собственно связь земли, — связь народа, какъ земли, т. е. какъ

реальной сущности народныхъ отношеній. Другого смысла община не могла имѣть, ибо зачаткомъ ея было всегда представленіе о человѣкѣ въ его имущественномъ положеніи. Община выражала лишь связь имущественныхъ, слѣд. матеріальныхъ отношеній, не болѣе.

Ошибочное представленіе объ общинѣ заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что ее почитаютъ связью отношеній нравственныхъ, о чемъ она сама, какъ мы говорили, никогда не думала, да и до сихъ поръ не думаетъ. Между тѣмъ при опредѣленіи бытового начала важны лишь одни отношенія нравственныя, которыя всегда и составляютъ основной узелъ народной жизни и управляютъ ходомъ ея развитія. Народъ выражаетъ свой бытъ многими формами и одна изъ такихъ формъ есть община, какъ есть другая существующая рядомъ съ нею, вотчина; какъ есть третья — семья, и т. п.; все это только формы. Но гдѣ же идея, общая всему быту, гдѣ нравственная сила, управляющая всѣми формами, гдѣ этотъ духъ, проникающій всякую форму и весь бытъ вообще? Общій характеръ народныхъ нравственныхъ связей и отношеній долженъ, по нашему мнѣнію, раскрываться ближе всего въ отношеніяхъ сожитія или общежитія, въ той сферѣ, которую мы теперь обозначаемъ словомъ общество, общественность, т. е. въ сферѣ людскихъ отношеній, независимо ни отъ какихъ частныхъ случайныхъ опредѣленій и формъ быта, обозначающихъ то или другое положеніе

личности, и вовсе не обозначающихъ основной силы или стихій личныхъ отношеній.

Какъ и на чемъ построены были отношенія общезитія—вотъ существенный вопросъ и вотъ гдѣ настоящее мѣсто нашимъ разсужденіямъ объ общемъ характерѣ народнаго быта. Потемнѣніе и путаница нашихъ понятій о характерѣ нашего древняго быта происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что мы смѣшиваемъ идею общины съ идеей общества, вообще смѣшиваемъ понятія о формахъ быта съ понятіями о его началахъ.

Фундаментомъ общины, основнымъ ея камнемъ было не лицо, не нравственная личность, а извѣстная матеріальная доля того матеріальнаго общаго, которое, какъ общая выгода, связывало людей. Лицо въ этомъ случаѣ было только юридическимъ представителемъ своей матеріальной доли, и въ существенномъ смыслѣ всегда разсматривалось съ точки зрѣнія чисто матеріальной, съ точки зрѣнія годности или негодности для выраженія того матеріальнаго цѣлаго, котораго долю оно изображало. Во владѣніи землею—хорошій плательщикъ или пособникъ общимъ земскимъ дѣламъ, напр. защитѣ отъ враговъ и т. п.; въ торговлѣ—капиталь, въ промышленности или въ ремеслѣ—умѣнье; словомъ сказать въ общинѣ, не исключая никакой дружины, никакой артели, — личность цѣнилась лишь со стороны прямого пособничества тому дѣлу, которое соединяло людей. Нравственная сфера, какъ и нравственный смыслъ лица здѣсь были въ сторонѣ, не были главною руководящею силою. Лицо здѣсь

имѣло земскій, торговый и промышленный смыслъ, но не нравственный. Общество, наоборотъ, всю силу полагаетъ въ нравственномъ смыслѣ человѣческой личности. Здѣсь фундаментомъ, основнымъ камнемъ лежитъ нравственное значеніе личности. И само собою разумѣется, что нравственная постройка общества вполне зависитъ отъ того, какъ понимается это нравственное значеніе личности, т. е. въ чемъ оно заключается. Извѣстно, что нравы общества съ теченіемъ времени измѣняются, а вмѣстѣ съ ними измѣняется и возрѣніе на нравственный смыслъ личности. Можно сказать, что каждый вѣкъ что-либо дѣлаетъ въ этомъ отношеніи, каждый вѣкъ вырабатываетъ какую либо долю общаго сознанія о существѣ человѣческаго достоинства. Какъ же понималъ и какъ сознавалъ это достоинство нашъ Русскій древній вѣкъ? Каково было наше древнее общество, какова была наша древняя общественность, эта дѣйствующая нравственная сила народнаго развитія, эта нравственная система или нравственный складъ житейскихъ отношеній? Какая нравственная сила служила основаніемъ нашему древнему обществу? изъ какой органической клѣточки образовалось Русское общество?

Мы уже говорили, что органическою клѣточкою нашего допетровскаго общественнаго быта былъ родъ, что родительское, патріархальное начало управляло всѣмъ ходомъ нашей допетровской жизни.

Но что же такое было это родительское, патріархальное или родовое начало жизни? Это было

начало или стихія родительской опеки, стихія старшей воли, идеаломъ которой было родовое старшинство. Это старшинство одно почиталось выше всякихъ другихъ достоинствъ человѣка, оно одно и было главнымъ, начальнымъ достоинствомъ человѣческой личности. Родительская опека съ идеаломъ родового старшинства существовали и существуютъ вездѣ, но не вездѣ они становились стихіею жизни. У насъ не только семья и родъ, что очень естественно и обыкновенно, держались крѣпко и твердо съ стихіею родительской опеки; но ею же держалось все общество, ею же строилось наше государство, ею выработалась и эта необычайная государственная плотность и стойкость народа.

Родительская опека была исключительною силою нашего развитія. Она проникала всюду и все подчиняла своимъ воззрѣніямъ. Это былъ нашъ нравственный и политическій бытовой воздухъ, которымъ мы жили, дышали въ теченіи всей нашей исторіи. Это было начало началъ нашего развитія, такое крѣпкое начало, но которому Русскій народъ даже и до сихъ поръ понимается и ведется, какъ малолѣтокъ, недоросль, требующій на всякомъ шагу, во всѣхъ его жизненныхъ стремленіяхъ и движеніяхъ, неусынныхъ заботъ и попеченій родительскихъ.

Самою лучшею и наиболѣе вѣрною характеристиккою основныхъ началъ народнаго быта всегда служить власть. Мы не говоримъ о власти въ ея тѣсномъ смыслѣ, о власти только политической, государственной, верховной; мы говоримъ о власти,

какъ о стихіи народнаго и именно общественнаго развитія; о власти, которою живетъ и держится не государственное устройство, а устройство и связь самого общества, о власти, господствующей именно въ народномъ быту.

Власть, какъ извѣстно вырабатывается съ большимъ трудомъ и съ великими жертвами. Сама исторія каждаго народа есть ничто иное, какъ выработка болѣе или менѣе правильной власти. Свойство и характеръ власти, дѣйствующей въ быту народа, обрисовываетъ свойства и характеръ самаго быта. Для уясненія характера и свойства не политической только, а вообще бытовой власти, необходимо выразумѣть: какъ сознаетъ себя въ обществѣ властный человѣкъ не только тогда, когда онъ становится дѣятелемъ власти, но и въ томъ случаѣ, когда онъ является только членомъ общества; и потомъ, какъ понимаетъ себя въ томъ обществѣ человѣкъ безвластный, зависимый отъ власти.

Если общество сложилось путемъ завоеванія, слѣд. вообще путемъ наиболѣе сильнаго обособленія личности, то понятно, что и характеръ его власти будетъ совершенно иной, чѣмъ въ обществѣ, которое сложилось путемъ нарожденія. Властные, общественныя и личныя отношенія перваго будутъ стремиться опредѣлить себя юридически, разгородятъ себя, т. е. свои отношенія отчетливо и ясно, необходимыми правами и обязанностями, отчего и характеръ власти выразится опредѣлен-

нѣе и рѣзче, а потому, быть можетъ, суровѣе и безпощаднѣе.

Въ такомъ обществѣ власть развивается и утверждаетъ себя идеею права, идеею закона, или върнѣе идеею строгой опредѣленности и разграниченности жизненныхъ отношеній. Въ этомъ заключается все ея существо. Само собою разумѣется, что такое начало власти прямымъ путемъ ведетъ къ выработкѣ болѣе точныхъ и болѣе опредѣлительныхъ понятій о независимой личности чело-вѣка, выдвигаетъ личность на первый планъ, и въ исторіи, и въ повседневныхъ частныхъ дѣлахъ жизни. По этому пути прошло развитіе западныхъ обществъ, съ самой ранней эпохи поставившихъ личность выше всякихъ другихъ опредѣленій въ бытовомъ положеніи чело-вѣка.

Наше древнее общество, какъ мы упомянули, сложилось путемъ непосредственнаго распростра-ненія рода, путемъ непосредственнаго народненія, безъ участія какихъ либо пришлыхъ, чуждыхъ ему элементовъ. Варяжское вторженіе, изгнаніе, при-званіе распустилось въ нашемъ быту, какъ капля въ морѣ, почти не оставивъ слѣда. Своеобразная сила нашего быта была такъ велика, что самая реформа и можно сказать революція Петра оказа-лась во многомъ совершенно безсильною. Есте-ственно, что характеръ, существо и свойство на-шей Русской власти вполнѣ должны были выра-зить существо самаго быта. Существомъ нашего быта, единственнымъ и вполнѣ непосредственнымъ его источникомъ, единственною и непосредствен-

ною его сплю быль родъ. Поэтому наша древняя власть была власть по преимуществу родовая. Гдѣ бы и въ какой бы формѣ она ни возникала, она вездѣ и всегда была властью отеческою со всѣми своими свойствами, съ одной стороны, съ непомерною жестокостью безотчетнаго произвола, вредъ лицомъ котораго не могло существовать даже и малѣйшихъ понятій о какомъ либо правѣ; а съ другой, съ тою любовною родственностью въ отношеніяхъ, которая всегда ставила ее въ непосредственныя родственныя, братскія отношенія къ подвластной средѣ. Такими свойствами нашей власти и самаго быта опредѣляется и особенное своеобразіе нашей исторіи. Въ западномъ обществѣ въ основу бытового развитія, а слѣдовательно и въ основу бытовой власти легли отношенія завоевателей, дружинниковъ или собственно право сильного, слѣд. право личное. Тамъ властныя отношенія и властный человѣкъ всегда, вездѣ и во всемъ руководились этою основною идеею своей жизни; властный человѣкъ всегда и вездѣ понималъ себя, чувствовалъ себя, какъ побѣдитель; подвластный понималъ и чувствовалъ себя, какъ побѣжденный. Оба чувствовали себя чужими другъ другу и на этой идеѣ установили свои отношенія. Бытовою связью людей руководило тамъ по преимуществу право, — законъ. У насъ, наоборотъ, всякое движеніе жизни, всякое бытовое отношеніе, и всю бытовую связь людей одухотворялъ смыслъ рода. Все наше общество по духу своей внутренней жизни представляло одну громадную совокуиность родни, гдѣ не

было и не могло быть членовъ, строго разграниченныхъ своими правами. Поэтому у насъ всѣ общественные разряды людей или ихъ отношеній, напр. сословія, сливались можно сказать органически въ какую то общую, жизненно-цѣльную массу, такъ что трудно указать, гдѣ собственно начинается и гдѣ оканчивается тотъ или другой разрядъ. Все по своему духу сливалось въ одинъ жизненно-цѣльный организмъ рода. И такъ какъ родъ разграничиваетъ людей только по рожденію, т. е. по лѣтницѣ физическаго старшинства, то очевидно, что въ этомъ организмѣ всѣ частицы должны были распредѣлять и различать свои отношенія только въ мѣру такого старшинства. Такъ наши старые предки и понимали себя, и разверстывали по этому смыслу всѣ свои бытовые отношенія. Старшіе, т. е. почему либо властные, идеализировали себя и свое общественное положеніе характеромъ отцовъ, свою власть характеромъ власти отеческой; младшіе, т. е. подвластные въ какомъ бы ни было смыслѣ, идеализировали свое положеніе характеромъ дѣтей, вообще малолѣтнихъ, несовершеннолѣтнихъ. Смыслъ такихъ именно, а не другихъ житейскихъ отношеній высказывался всюду, во всѣхъ крупныхъ и мелкихъ обстоятельствахъ, во всѣхъ частныхъ и общихъ случаяхъ, съ эпической первозданною наивностью, которая очень наглядно обнаруживала, какъ еще глубоко и широко лежали въ общественной почвѣ корни быта доисторическаго.

Если западный властный человѣкъ, въ средній

вѣкъ своей исторіи, смотрѣль вездѣ побѣдителемъ, завоевателемъ, смотрѣль на подвластную среду, какъ на свое завоеваніе, то нашъ властный чело-вѣкъ даже и до сихъ поръ смотритъ отцомъ—опекуномъ, смотритъ на подвластныхъ или вообще на меньшихъ, подчиненныхъ, какъ на малолѣтнихъ, несовершеннолѣтнихъ, недорослей въ общественномъ смыслѣ и никогда не думаетъ, какъ думалъ Петръ Великій, что онъ прежде всего только первый, передовой слуга обществу; а, напримѣръ, всегда убѣжденъ, подобно царю Алексѣю отихайловичу, что для управляемаго общества онъ тецъ — опекунъ, что его обязанности къ обществу, равно какъ и права, суть обязанности и тава отеческія, опекунскія, а не гражданскія. Въ этомъ-то заключается все глубокое, коренное различіе нашего востока отъ европейскаго запада; отсюда и различіе исторіи, культуры, всей жизни со всѣми ея понятіями и движеніями.

Строгое разграниченіе правъ побѣдителей и побѣжденныхъ на западѣ, это отчетливое пониманіе, чувствованіе себя чужими другъ другу, совершенное отсутствіе въ бытовыхъ общественныхъ отношеніяхъ понятій родни, поставило тамошнее общество, какъ говорится, на ножи; но вмѣстѣ съ тѣмъ повело къ выработкѣ такихъ же строгихъ, точныхъ и до мелочей отчетливыхъ опредѣленій о равноправности и полноправности человѣческой личности вообще; повело къ ученію и практическому водворенію идеи о правахъ челоѣка, какъ челоѣка, независимо отъ его случайныхъ, т. е. ро-

довыхъ, политическихъ или общественныхъ опредѣленій; однимъ словомъ выдвинуло на первый планъ бытовыхъ отношеній достоинство человѣческой личности, эту коренную и неизмѣнную силу человѣческаго развитія. Къ той же цѣли мы должны были идти инымъ путемъ. Родовой духъ, управлявшій нашимъ развитіемъ, по свойству и характеру собственнаго своего начала, пренятствовалъ строго и точно распредѣлить или разграничить возникшія у насъ права и бытовые отношенія; онъ сливалъ все въ одну нераздѣльную массу родства. Личность въ строгой опредѣленности своихъ правъ была для него явленіемъ совершенно непонятнымъ. Онъ понималъ личность только, какъ извѣстное рожденіе, старшее или младшее, но не болѣе какъ рожденіе. Для него личность служила только выразителемъ извѣстнаго рода, отечества. Она опредѣлялась только правами родовыми, а не личными.

Державшееся родовымъ духомъ наше общество въ своемъ социальномъ развитіи ничего другого не могло и выработать, какъ одно плотное, жизненно-связное единство. Такимъ образомъ, къ социальному единству мы шли черезъ родъ, въ то время, какъ западное общество шло къ нему же черезъ личность. Тамъ община явилась совокупностью независимыхъ другъ отъ друга равноправныхъ личностей, у насъ совокупностью родни. Тамъ въ жизни господствовала идея личности, у насъ идея родни, иначе идея дѣтской зависимости.

Общество, если обозначимъ этимъ словомъ такъ

называемый свѣтъ или ю старому міръ, т. е. существо и складъ людскаго общежитія, людской общительности и общественности, — вверху какъ и внизу, во всѣхъ своихъ слояхъ и видахъ, основою своихъ отношеній кладетъ всегда извѣстное достоинство личности, извѣстную честь лица, разумѣя въ этомъ совокупность личныхъ или другихъ какихъ качествъ, наиболѣе уважаемыхъ и наиболѣе цѣнимыхъ въ человѣкѣ. Словомъ сказать, всякое общество всегда живетъ идеаломъ хорошаго человѣка, понимая и рисуя этотъ идеаль подъ условіемъ своего развитія, своего времени, своего гражданскаго положенія, своихъ началъ жизни. Западная средневѣковая личность искала такой идеаль сама въ себѣ, въ своихъ собственныхъ доблестяхъ, въ высотѣ собственнаго своего достоинства, ставила цѣлью своихъ идеализаций самое себя, свою индивидуальность. Рыцарь не потому становился рыцаремъ, что его посвящали въ это званіе, а потому именно, что личными качествами и доблестями онъ вполне достоинъ былъ этого посвященія, воплощаль собою идеаль достойнаго человѣка.

У насъ, наоборотъ, идеаль хорошаго, достойнаго человѣка личность искала не въ самой себѣ, а въ своемъ отечествѣ, въ своемъ родѣ, именно въ своемъ родовомъ старшинствѣ. По нашимъ старымъ понятіямъ человѣкъ почитался въ обществѣ достойнымъ не потому, что на самомъ дѣлѣ высокъ былъ своими нравственными или умственными качествами, или какими заслугами и добле-

стями, а прежде и первѣе всего потому, что высокъ былъ своимъ родовымъ старшинствомъ, т. е. старшинствомъ своего рода или старшинствомъ въ своемъ родѣ, потому что онъ былъ отецкій сынъ. По крайней мѣрѣ такъ, а не иначе, думало объ этомъ общежитіе, такъ понимала личное достоинство наша старая общественность. Мѣсто въ обществѣ человѣку указывали его родъ, его отечество, а не личные таланты или доблести.

Общественное значеніе личности лучше всего конечно характеризуется понятіями о личной чести. Рыцарская честь строго и щекотливо охраняла именно неприкосновенность личности, придавала личности высокій нравственный смыслъ и всегда была готова поддерживать этотъ смыслъ съ рѣшимостью Донъ-Кихота. Честь рыцаря лежала въ идеѣ собственнаго его достоинства. Напротивъ, честь русской личности лежала въ идеѣ достоинства ея рода или ея отечества. Русская боярская честь, т. е. самая развитая и высокая но общественному положенію, съ такимъ же донкихотствомъ ставила личность подъ батоги (палки), кидала въ тюрьму, кидала подъ столъ за царскимъ обѣдомъ, подвергала ее жестокой царской опалѣ и все это дѣлала съ единымъ стремленіемъ охранить неприкосновенность своего рода или отечества ¹⁾. Лицо здѣсь было только средствомъ, ору-

¹⁾ Самое слово честь родственно съ словомъ отецъ и безъ сомнѣнія отъ него происходитъ. Слово чтить образовалось изъ слова отчитать, относиться къ человѣку, какъ къ отцу, воздавать человѣку уваженіе отеческое.

діємъ для охраненія и возвышенія представленій о чести рода.

Вообще въ нашемъ обществѣ, отечество личности, ея родовое кровное значеніе почиталось высшимъ ея достоинствомъ, существеннымъ достоинствомъ вообще человѣка. На понятіяхъ о такомъ только достоинствѣ построилась вся наша старая общественность, которая въ существенномъ смыслѣ была лѣствицею родового, а по его идеаламъ и всякаго другого старшинства, такъ что каждый членъ ея, на какую бы ступень не восходилъ, всегда и вездѣ становился выше однихъ, младшихъ, и ниже другихъ, старшихъ, по ступенямъ этой лѣствицы.

Самымъ опредѣленнымъ и законченнымъ выраженіемъ нашей древней общественности служить извѣстное мѣстничество, которое напрасно разсматриваютъ съ одной только официальной точки зрѣнія, какъ официальное какое то учрежденіе или установленіе въ родѣ таблицы о рангахъ. Официальный характеръ оно приобрѣло отъ официальной или собственно служебной среды, въ которой стало дѣйствовать и которую оно стремилось пересилить, подчинить собственнымъ своимъ исконно-вѣчнымъ уставамъ и порядкамъ. Дѣйствительно, происхожденіе мѣстничества скрывается въ глубокой древности. Въ древній періодъ нашей исторіи оно не обнаруживало своихъ споровъ, стычекъ, и стало быть не обнаруживало какъ бы самаго существованія, потому что въ то время оно было господствующею силою обществен-

ности, было святынею, неколебимымъ, неизмѣннымъ и несомнѣннымъ жизненнымъ положеніемъ, которое оспаривать, съ которымъ бороться не представлялось ни причинъ, ни случаевъ. Оно стало обнаруживать свое существованіе, т. е. свои движенія или споры, лишь съ той минуты, когда должно было вступить въ борьбу съ опаснымъ своимъ противникомъ — съ идеею государственности. Оно намъ и извѣстно несравненно больше только стороною этой борьбы; т. е. своею отрицательною, а не положительною стороною. Положительную его сторону наука еще до сихъ поръ не успѣла привести въ должный порядокъ и выяснить.

Когда, взамѣнъ родовыхъ, кровныхъ опредѣленій лица, взамѣнъ родовыхъ достоинствъ личности, новорожденная государственность поставила служебныя ея достоинства, достоинства личной службы государю и его государству, то старая общественность никакъ не могла понять этого новаго шага въ народномъ развитіи и встрѣтила враждебно эту новину жизни, боролась съ нею до послѣднихъ силъ и до послѣднихъ дней, даже и послѣ того, какъ мѣстническій уставъ официально былъ упраздненъ.

Само великое самодержавіе, истребляя на своемъ пути всѣ чуждые ему элементы, разрушая побѣдоносно устройство цѣлыхъ и большихъ общинъ, упраздняя цѣлыя княжества, изводя цѣлые княжескіе и боярскіе роды, не находило однакожь достаточно силы обуздывать мѣстническіе счеты, не находило никакой возможности разомъ покончить

съ этими счетами и большею частью или подчинялось имъ, или уклонялось отъ нихъ, обходя ихъ какими либо косвенными путями. И это понятно. Легко было побѣдить какой либо внѣшній, формальный строй жизни или упразднить значеніе и даже самое существованіе цѣлаго ея порядка; но совсѣмъ было невозможно одною лишь волею разорить бытовую искони вѣчный и можно сказать стихійный строй народной общественности. Здѣсь приходилось считаться не съ личностями только, не съ вольными городами или княжествами и знатными родами, а съ нравственнымъ складомъ народной жизни, который могъ уступить не личной волѣ самодержца, а только нравственному же складу, построенному на другихъ началахъ.

Достоинство личной службы, внесенное самодержавіемъ въ среду общественныхъ отношеній, и было такимъ новымъ нравственнымъ началомъ жизни, способнымъ измѣнить ея ветхую старину. Оно было зародышемъ той новой организациі общественныхъ убѣжденій и представленій, которая постепенно и послѣдовательно вела къ раскрытію и выясненію понятій о человѣческомъ достоинствѣ вообще, о достоинствѣ человѣка, какъ человѣка, помимо всякихъ другихъ опредѣленій его личности, и родовыхъ и даже служебныхъ, которыя явились на смѣну этимъ родовымъ.

Намъ, быть можетъ, скажутъ, что силы нашей древней общественности лучше всего отыскивать въ вѣчѣ, въ этой самой осязательной формѣ русскаго древняго общества. Мы и не думаемъ отри-

дать такого именно значенія нашего вѣча. Но мы думаемъ, что мѣстничество, какъ порядокъ мѣсть, оно-то именно и есть выраженіе нашего древняго вѣча, вѣчевого собранія съ внѣшней его стороны: оно-то и есть его реальная форма, т. е. форма собравшагося общества. Мѣстничество, какъ порядокъ мѣсть, служило выраженіемъ собравшейся государевой думы, а что такое была государева дума XVI и XVII ст., какъ не та же дружина, по крайней мѣрѣ по формѣ, если не по духу, ибо духъ ея въ это время, какъ мы знаемъ, отлетѣлъ уже навсегда. Въ исторіи форма всегда долго переживаетъ свою идею. Дружина, собиравшаяся съ княземъ на думу, собиралась собственно на вѣче. Дума и вѣче—синонимы въ смыслѣ совѣта, совѣщанія. Мѣстнической распорядокъ мѣсть былъ формою собравшагося общества-дружины, или формою вѣчевого собранія. Этотъ распорядокъ мѣсть не зависѣлъ ни отъ чьей воли, даже и отъ воли великаго самодержца, каковъ былъ напр. Иванъ Грозный, который ничего не могъ подѣлать съ такою старою и крѣпкою формою Русскаго быта. Чтобы разрушить ее, Грозному надо было сдѣлать то, что сдѣлалъ Петръ, т. е. совсѣмъ смѣшать шашки; но въ то время Грозный и самъ еще не былъ готовъ для этого. Распорядокъ мѣсть въ думѣ, какъ мы сказали, не зависѣлъ ни отъ чьей воли; онъ вполне зависѣлъ отъ самаго устава жизни, т. е. отъ устава общественныхъ отношеній личности. Мѣстничество и было формою этихъ общественныхъ отношеній лица. Оно и указывало мѣсто для личности, когда она

являлась въ обществѣ, являлась членомъ общест-
веннаго союза.

Мы не знаемъ ни порядка, ни уставовъ, какъ собиралось знаменитое новгородское вѣче—этотъ высшій типъ всенародной, а не дружинной только думы. Исслѣдователи новгородской старины не даютъ намъ ничего яснаго, опредѣлительнаго въ этомъ отношеніи, отзываясь тѣмъ, что нѣтъ объ этомъ подробныхъ свѣдѣній. Однакожъ необходимо знать: собиравшіеся на вѣче люди, какъ становились или какъ садились, или кто сидѣлъ и кто стоялъ, словомъ сказать, въ какомъ порядкѣ размѣщались собравшіеся вѣчники. Что какой либо порядокъ былъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, особенно на вѣчахъ ежедневныхъ, обыкновенныхъ, а не бунтовыхъ; да и бунтовья вѣча все-таки были совѣщаніемъ, думою, слѣд. не могли же происходить безъ всякаго порядка. Намъ кажется, что вѣчевой порядокъ, размѣщеніе собравшихся вѣчниковъ-думцевъ вполне высказывается уставомъ вѣчевыхъ рѣшеній, а объ этомъ мы имѣемъ весьма положительное свидѣтельство еще отъ XII вѣка, отъ эпохи, когда вѣчевая сила господствовала по всей землѣ.

«Новгородци бо изначала, и Смоляне и Кыяне и Полочане и вся власти (волости), якоже на думу на вѣча сходятся, на что же старѣйшіи сдумають, на томъ же пригороди стануть.... Како намъ любо, такоже створимъ, говорили старыя города, Ростовъ и Суздаль, о мезинномъ городѣ Володимірѣ: онъ есть пригородъ нашъ». Вотъ основная идея древнихъ вѣчевыхъ рѣшеній. (Лавр. 160).

Если таково было существо вѣчевыхъ рѣшеній, то можно понять, что по его же смыслу строилась и вся форма вѣчевого собранія, что въ думѣ на вѣчѣ первая честь должна была принадлежать старѣйшимъ; мѣсто же служило только выраженіемъ, обозначеніемъ этой чести. Стало быть первая честь и первое мѣсто по необходимости отдавались старѣйшему. Умъ вѣка почиталъ это дѣло несомнѣннымъ и неизмѣннымъ, а потому не являлись и самые счеты о мѣстахъ, т. е. мѣстничество въ его собственномъ смыслѣ. Они, какъ сказано, стали являться тогда, когда родовое начало стало разлагаться, когда въ него стало вторгаться личное начало слуги гусударева, изъ котораго потомъ родился и слуга государству, какимъ и былъ первымъ Петръ Первый. Убѣжденіе вѣка тотчасъ же само разрѣшало сомнительные въ этомъ отношеніи случаи, что мы и видимъ въ томъ же Новгородѣ: въ 1211 г. посадникъ Твердиславъ уступаетъ свое мѣсто по своей волѣ старѣйшему себѣ, Дмитру Якуничу, пришедшему тогда изъ (Кіевской) Руси¹⁾. Если все это было такъ, то вѣче и по духу своихъ совѣщаній и рѣшеній и по формѣ людскихъ отношеній походило на собравшуюся родню, которая совѣтуется о семейномъ дѣлѣ. Это была община хозяевъ, разумѣвшихъ себя больше родными, чѣмъ независимыми другъ отъ друга и юридически опредѣленными личностями.

Оттого такая неопредѣленность, неясность вѣ-

¹⁾ П. С. Р. Л. III, 31.

чевыхъ отношеній, оттого не существуетъ ни въ лѣтописяхъ, ни въ актахъ никакихъ подробностей о вѣчевомъ порядкѣ жизни. Оттого новгородская душа не любитъ закона, связывающаго дѣятельность, какъ замѣчаетъ г. Костомаровъ (Сѣв. Народоврав. II, 147). Незачѣмъ было опредѣлять то, что искони было опредѣлено и существовало, какъ стихія жизни, было для всѣхъ ясно, всѣмъ извѣстно и понятно, какъ Божій день. Житейскія отношенія родни опредѣляются сами собою и не требуютъ себѣ въ помощь юридическихъ какихъ либо обозначеній лица. Незачѣмъ было опредѣлять людскія отношенія, давать имъ законъ и порядокъ, ибо они опредѣлялись сами собою, т. е. силою родовой идеи, въ нихъ господствовавшей.

Итакъ, наше старое общежитіе въ своихъ отношеніяхъ и даже въ своихъ формахъ строилось и руководилось родовой идеею, идеею родства; наше старое общество въ существѣ своемъ значило то, что значить слово родня; духъ нашей старой общности былъ духъ родства, а не общества, ибо идея общества, идея общественная живетъ и развивается равенствомъ лицъ, равенствомъ правъ, равенствомъ достоинствъ; напротивъ, родовая идея живетъ и развивается понятіями старшинства, слѣд. понятіями неравенства, мѣстничества, вообще понятіями достоинствъ родовыхъ, а не личныхъ, видовыхъ. Въ ней господствуетъ одно лишь, такъ сказать, физическое равенство, равенство природы, т. е. равенство родни, которое и производитъ для нашихъ теперешнихъ глазъ оптическій обманъ,

именно въ разсужденіи равенства общиннаго, соціальнаго. Древнее право представительства, право вѣча, право думы, суть одно естественное право родни, но которому она непреложно должна участвовать въ общихъ дѣлахъ своего рода. Самое вѣче по формѣ и по смыслу своихъ отправленій служило полнымъ выраженіемъ этого права. На вѣчѣ все дѣлалось и совершалось какъ то неопредѣленно, не правомѣрно, какъ то по-родственному, по-братски, по-любовно, а въ сущности все дѣлалось и совершалось подчиненіемъ разуму и волѣ старѣйшихъ: что старѣйшіи сдумаютъ, на томъ и пригороды, т. е. молодшіе, стануть.

Вотъ почему и земскіе соборы XVI и XVII вѣка являются въ полномъ смыслѣ только совѣщаніями родни, не нося въ своихъ формахъ ничего опредѣлительнаго, законнаго, правомѣрнаго, такими совѣщаніями, гдѣ съ полною откровенностью родственника возможно было высказывать все, что угодно; рѣзко обличать существующую неправду; прямо, открыто указывать злоупотребленія и вмѣстѣ съ тѣмъ заявлять свои исключительно эгоистическіе интересы, вовсе не помышляя объ интересахъ общихъ; говорить обо всемъ и ничего не рѣшать, въ увѣренности, что рѣшеніе само собою явится мыслью и волею старѣйшей власти. Таковъ былъ смыслъ и характеръ нашего народнаго представительства въ теченіи всего древняго періода нашей исторіи, и на вѣчахъ, и на соборахъ, и на мірскихъ сходкахъ: что старѣйшіи сдумаютъ, на томъ и меньшіи стануть. Для меньшихъ рѣшать дѣла, согласно

своему мнѣнію, существовало только одно право, право своей воли, которое разумѣется всегда и утверждалось усобицею.

Мы разсматривали отношенія родовой идеи къ обществу и общественности, и старались объяснить, что духъ нашего древняго общества и общественности былъ духъ родовой власти и опеки, что эта власть и опека была начальною, господствующею стихіею Русской жизни вообще. Намъ необходимо остановиться теперь на дѣйствіяхъ этого духа въ личной жизни нашихъ предковъ, раскрыть, по возможности, какъ его силами и вліяніемъ воспитывалась и выработывалась для жизни Русская личность.

Подобно тому, какъ древняя наша общественность нашла себѣ типическое выраженіе въ мѣстничествѣ, такъ и родовая власть, строившая эту общественность, вполне и типически выразила себя въ извѣстномъ Домостроѣ. Это памятникъ неоцѣнимаго значенія для нашей исторіи, это цвѣтъ и плодъ, съ одной стороны, писанаго ученія, которое какъ разъ пришлось въ ростъ и въ мѣру нашему непосредственному бытовому развитію, нашимъ непосредственно созданнымъ своенароднымъ и своеобразнымъ идеаламъ жизни; съ другой стороны, это цвѣтъ и плодъ искони вѣчныхъ нравственныхъ и хозяйственныхъ уставовъ нашего быта. Домострой есть зеркало, въ которомъ мы наглядно можемъ изучать и раскрывать всѣ, такъ сказать, под-

земныя силы нашей исторической жизни. Это зеркало нашего древняго домашняго быта, зеркало нашего донетровскаго развитія, зеркало общества и общественности. Предъ этимъ зеркаломъ, то есть подъ его сильнѣйшимъ вліяніемъ, совершилась постройка и нашего государства, которое въ своемъ существѣ и до сихъ норъ еще носитъ много тѣхъ же началъ и тѣхъ же положеній и опредѣленій жизни, какими исполненъ этотъ многовѣковой источникъ нашего развитія.

Извѣстно, что Домострой написанъ или, вѣрнѣе и точнѣе, записанъ, собранъ въ порядокъ, въ половинѣ XVI вѣка, благовѣщенскимъ нопомъ Сильвестромъ, новгородцемъ по происхожденію. Дѣло, конечно, не въ томъ, кто его записалъ, т. е. кто собралъ въ одно мѣсто живыя и написанныя ученія, существовавшія исконно вѣка, «какъ строить домъ» и весь свой бытъ: священникъ Сильвестръ или другой кто — это все равно. Составитель былъ только редакторомъ этого памятника и если бы онъ что и прибавилъ свое, личное, то это свое такъ было обще для всѣхъ, что нѣтъ никакой возможности его указать. Здѣсь выражалась не личность, а все общество, почему и собирателемъ кодекса явился именно священникъ, какъ личность въ полномъ смыслѣ общественная. Поученіе и наказаніе, «какъ жити христіаномъ», изъ котораго возродился и развилъ свои положенія Домострой, искони было прямымъ дѣломъ духовныхъ отцовъ, иначе назвать — духовниковъ народа. Священникъ-духовникъ, особенно въ первое время, былъ

единственнымъ, исключительнымъ источникомъ ученія и назиданія; къ нему обращались со всѣми житейскими недоразумѣніями, со всѣми вопросами, какіе только внушались благочестивою мыслью, какъ устроить свое спасеніе и эту временную погибельную жизнь. Оттого духовный отецъ становится какъ бы членомъ семьи и притомъ самымъ почетнымъ членомъ. Естественно, что весь нравственный строй дома опирался на его ученіе, естественно, что и сочиненіе написаннаго нравственнаго устава домашней жизни являлось его прямою обязанностію, исполненіе которой для мірскаго человѣка, и по ученію церкви, и по разумѣнію вѣка, было бы даже предосудительно, ибо поучать и назидать духовно могъ только посвященный. Съ первыхъ самыхъ временъ по принятіи Христовой вѣры духовные отцы уже упражнялись въ составленіи небольшихъ учительныхъ словъ съ упомянутымъ заглавіемъ, или съ другимъ заглавіемъ: поученіе избрано отъ всѣхъ книгъ. Эти слова и поученія сказывались въ церквахъ, распространялись въ спискахъ, наполняли особые сборники писаній: Златоструи, Златоусты, Измарагды и т. п., служившіе всегда настольными книгами въ каждомъ домѣ, желавшемъ ученія и назиданія. Почти всѣ такія слова были заимствованы у отцовъ церкви, переведены или передѣланы, или же составлены выборомъ (избрано отъ всѣхъ книгъ) цѣлыхъ фразъ и реченій, пригодныхъ для назидательной цѣли. Въ этомъ отношеніи Домострой представляетъ для насъ новый интересъ: онъ является

цвѣтомъ нашей старой книжной образованности, именно ея поучительной стихіи; онъ является, такъ сказать, цвѣтомъ ея общихъ мѣстъ, общихъ фразъ. Въ сущности, весь онъ есть общее мѣсто нравственной и хозяйской жизни.

Мы имѣли случай указать заимствованія Домостроя по преимуществу изъ словъ Іоанна Златоуста¹⁾. Но не должно думать, что такія заимствованія были простыя непосредственныя выписки изъ книгъ. Напротивъ, тексты, внесенные въ Домострой, иногда цѣликомъ слово въ слово, были заучеными, ходячими рѣчами, присловьями въ устахъ духовныхъ учителей. Они усвоивались непрестаннымъ чтеніемъ и употребленіемъ на всякій пригодный случай; они по необходимости точно и вѣрно заучивались, ибо въ томъ заключалась и цѣль книжнаго ученія. Такимъ образомъ, если требовалось составить или сказать какое-либо поученіе, то не только слова, но и цѣлыя рѣчи изъ запаса памяти являлись сами собою, такъ что все дѣло писателя подобныхъ поученій заключалось лишь въ извѣстномъ расположеніи этихъ памятныхъ текстовъ соотвѣтственно его мысли и намѣренію. Можно вообще замѣтить, что всѣ старыя наши поученія, наказанія, слова русскаго сочиненія, составлялись этимъ путемъ. Оттого въ каждомъ изъ нихъ легко встрѣтить тѣ или другія выраженія изъ поученій отцовъ церкви, не какъ при-

¹⁾ Архивъ Историко-юридическихъ свѣдѣній Н. Калачова. М. 1854, кн. 2, статья: Извлеченія изъ книги Златоуста.

водимый текстъ, а какъ бы собственную рѣчь составителя, его заученныя словеса, о которыхъ онъ вовсе и не думаетъ, что это словеса чужихъ текстовъ; оттого такъ рѣдко встрѣчаемъ мы въ подобныхъ литературныхъ памятникахъ свои слова, ибо къ тому же говорить своими словами, значило низводить писаніе съ его священной высоты и самое поученіе и наставленіе людей обращать въ простую пошлую бесѣду о вседневныхъ нуждахъ. Особый складъ и самый звукъ церковнаго слова долженъ былъ дѣйствовать, какъ и теперь, дѣйствуетъ на души поучаемыхъ съ тою торжественностью чувства, которая всегда составляла существо религіознаго ученія и которая поэтому всегда требовала неизмѣнности и неприкосновенности церковнаго слова. Такимъ образомъ Домострой по естественнымъ причинамъ явился, какъ мы упомянули, цвѣтомъ и сокомъ общихъ мѣстъ церковнаго ученія, направленнаго къ нравственному устройству дома. Это въ литературномъ смыслѣ. Въ практическомъ жизненномъ смыслѣ, онъ явился точно также цвѣтомъ и сокомъ, такимъ же общимъ мѣстомъ русской нравственности, воздѣланной въ теченіе вѣковъ на почвѣ писанія и на почвѣ искони-вѣчныхъ бытовыхъ идеаловъ.

Составъ Домостроя, все это поученіе и наказаніе «отецъ духовныхъ ко всеѣмъ православнымъ христіанамъ», выразился главнымъ образомъ въ пяти отдѣлахъ: 1) како вѣровати; 2) какъ царя чтити и вообще свѣтскую власть; 3) какъ чтити святительскій и вообще духовный чинъ или духовную

власть; 4) како жити въ миру или наказъ о мирскомъ строеніи и 5) хозяйственный, экономическій наказъ о домовномъ строеніи.

Кто же является центромъ всѣхъ этихъ поученій? Къ кому собственно обращается Домострой съ своимъ наказательнымъ словомъ, кого онъ почитаетъ твердою опорою для своихъ назиданій, съ кѣмъ онъ собственно ведетъ рѣчь? Кто этотъ ты, кто этотъ самъ, къ которому Домострой относитъ свои рѣчи во второмъ лицѣ, въ то время, какъ назиданіе остальныхъ онъ выражаетъ преимущественно и почти вездѣ въ третьемъ лицѣ, а если иногда и во второмъ, то собирательно, какъ къ дѣтямъ, къ домочадцамъ? Кто этотъ сосудъ избранъ, который долженъ не себя одного нести къ Богу, но многихъ, сознавая этихъ многихъ, какъ собственную влагу, сохраняя эту влагу наученьемъ и наказаніемъ, любовью и грозой, чтобъ донести ее до угоднаго Богу назначенія, въ цѣлости наибольшаго нравственнаго совершенства?

Домострой именуеть этотъ сосудъ государемъ дома, также настоящимъ, большимъ, прилагая ему, какъ нераздѣльную съ нимъ почву для его нравственной дѣятельности, жену, чадъ и домочадцевъ. Стало быть въ существенномъ смыслѣ Домострой признаетъ самостоятельную лишь одну личность родителя — съ значеніемъ главы дома, т. е. съ значеніемъ государя или господаря — хозяина и нравственно и имущественно большаго или настоящаго въ домѣ или во дворѣ. Мы уже упоминали, что таково именно было понятіе древняго

вѣка вообще о достоинствѣ личности. Всѣ другія лица дома служили какъ бы необходимымъ придаткомъ этой настоящей личности.

Младенчествуящее общество очень высоко ставило личность родителя, какъ основную силу родовой власти, которая служила прямымъ и ближайшимъ органомъ и для власти общественной. Вотъ почему и написанное ученіе возвысило эту власть въ лицѣ родителя до послѣдней крайности. Въ одномъ изъ краткихъ и древнѣйшихъ нашихъ домостроевъ (поученіе избрано отъ всѣхъ книгъ) оно заповѣдуетъ: «родителя жъ, аще кто имать, да чтить яко Бога ¹⁾), тѣми бо познахомъ свѣтъ сей; поклоняйтеся имъ за утро и вечеръ, на ложа идя. Аще бо человекъ чтить родителя своя, то весь законъ совершилъ есть. И тогда сынъ свободенъ есть, егда спрячетъ кости родителя своя». Такимъ образомъ самостоятельное значеніе сына возможно было только по смерти родителя.

Непомѣрно возвышая и освящая въ лицѣ родителя домашнюю власть, писаное ученіе вмѣстѣ съ тѣмъ возлагало на главу дома и великую нравственную обязанность строить и охранять нравы дома, великую нравственную отвѣтственность во всемъ, что бы ни совершилось въ домѣ, не только со стороны собственныхъ чадъ, но со стороны и всѣхъ чадъ дома, всѣхъ работающихъ дому. Глава дома несъ великую отвѣтственность передъ Богомъ

1) Пословицы: «шануй батька та Бога — буде тобі всюди дорога. Отець — як Бог.» — Українські приказки, прислів'я и таке ише: Спорудив М. Номис.

за это нравственное тѣло, называемое домою. Глава дома, въ дѣйствительности, иначе и не признавала своихъ отношеній къ домашней своей средѣ. Домъ въ своемъ нравственномъ составѣ былъ нераздѣльнымъ цѣлымъ, былъ на самомъ дѣлѣ однимъ нравственнымъ тѣломъ, всѣ члены котораго были исполнены сознанія, что они лишь служебные члены, и что всему началу въ этомъ тѣлѣ глава—домовладыка, государь этого господарства.

Тотъ же древній домострой поучаетъ: «рабы водите въ наказаніи, съ тихостію учаше добрымъ безпорочнымъ, и чгя ихъ, да негдѣ мистятъ у притчи. Аще ли не послушаютъ, то раны, разумѣючи, дати, яко и тѣ Божія созданіе суть, но вамъ даны суть Богомъ на службу... а что суть у васъ рабы и рабыня, Богомъ даны вамъ на службу, тѣми накі достойно печися вамъ и душами ихъ, отъ зла возбраняти имъ и на покаяніе приводити; а къ церкви принужати, вы бо есте игумени домовъ своихъ; ащели кто безъ покоянія умретъ у васъ или не крещенъ, то вамъ отвѣтъ дати за душу ту предъ Богомъ»... ¹⁾).

Другой, столько же, если не болѣе древній домострой поучаетъ такъ: «Чада моя милая! Еще вы глаголю: челядь свою кормите, якоже до сыти имъ, одѣвайте, обувайте. Аще ли не кормите, ни обуваете, а холона твоего убьютъ у татбы или робу, то за кровь его тобѣ отвѣщати. Темже набдите си-

¹⁾ Книга, глаголемая Златоустъ, недѣля 34, поученіе избрано отъ всѣхъ книгъ.

роты своя во всемъ, и учите я на крещеніе и на нокаяніе и на весь законъ Божій. Ты бо еси, яко и апостолъ дому своему, кажи (казни) грозою и ласкою. Аще не учишь, то отвѣтъ въздася за то предъ Богомъ. И Авраамъ бо научи своихъ домо-чадецъ 300 и 18 всему добру закону и добру норову. Страхъ бо Божій пріимше, не опечалять на старость тебе. Аще ли тебе не послушаютъ ни мало, то лозы на ны не щади, якоже Премудрость Божія глаголетъ, до 4 или до 6 ранъ, или за 12 ранъ. Аще ли рабъ и рабыни не слушаетъ, и по твоей воли не ходитъ, то загода (пригодно) лозы нанъ не щади до 6 ранъ и до 12. Аще ли велика вина, то и 20 ранъ. Аще ли велми велика вина, то 30 ранъ лозою, а болѣе 30 ранъ не велимъ. Да аще тако кажете я (наказываете ихъ) и добрѣ одѣваеши и кормиши, то благъ даръ пріимеши отъ Бога» ¹⁾.

Эти поученія по всѣмъ признакамъ принадлежать къ ранней эпохѣ нашего христіанства, быть можетъ, къ XI и, но крайней мѣрѣ, къ XII вѣку, т. е. вообще къ эпохѣ дотатарской. Само собою разумѣется, что начинающаяся церковь вмѣстѣ съ начинающимся обществомъ иначе и не могли опредѣлить и устроить отношенія домашней семейной общины, которая и въ народномъ сознаніи и въ сознаніи самой церкви вся сливалась въ лицѣ своего домовладыки. Но причины, почему домовладыка долженъ былъ становиться игуменомъ, апостоломъ дому своему существовали и въ слѣдующіе

¹⁾ Москвитянинъ, 1851, № 6, 128.

вѣка; поэтому Домострой XVI вѣка развиваетъ это ученіе, какъ несомнѣнный и непререкаемый догматъ нравственной жизни общества. Онъ отдѣляетъ для этого ученія особый «наказъ о мирскомъ строеніи, какъ жити православнымъ христіаномъ въ миру съ женами и съ дѣтьми и съ домочадцы и ихъ наказывати и учити и страхомъ спасати и грозою претити и во всякихъ дѣлахъ беречи, душевныхъ и тѣлесныхъ, чистымъ быти, и во всемъ самому стражу надъ ними быти и о нихъ пецися, акн о своихъ удѣхъ», утверждая жизненное, практическое значеніе и смыслъ этого наказа такимъ разсужденіемъ: «Господу рекшу: будета оба въ плоть едину. Апостолу рекшу: аще страждетъ единъ удъ, то всѣ уды съ нимъ страждутъ. Такожь и ты, не о себѣ единомъ пецися, но о женѣ и о дѣтяхъ своихъ и о прочихъ и о послѣднихъ домочадцѣхъ— вси бо есмы связаны единою вѣрою къ Богу; и съ добрымъ симъ прилежаніемъ имѣй любовь ко всѣмъ въ Бозѣ живущимъ и око сердечное взирающе къ Богу и будеши сосудъ избранъ, не себѣ одинаго несый къ Богу, но многи, и услышиши добрый рабе и вѣрный: буди въ радости Господа Бога своего».

На этомъ-то наказѣ построена вся нравственная практическая философія нашего древняго вѣка. Этотъ наказъ составляетъ, такъ сказать, душу, основу и всѣхъ поученій Домостроя; онъ присутствуетъ въ немъ повсюду, почти во всякой строкѣ, гдѣ только дѣло касается поученія и назиданія.

Написавъ намять о томъ, «какъ избную по-

рядню устроить хорошо и чисто», Домострой на-
 зидаетъ государыню-хозяйку: «Всего того и вся-
 кой порядки жена (чтобъ) смотрела и училабъ
 слугъ и дѣтей добромъ и лихомъ: не имѣть сло-
 во,—ино ударить. И увидить мужъ, что не по-
 рядливо у жены и у слугъ... инобы умѣлъ свою
 жену наказывати всякимъ разсужденіемъ, и учити.
 Аще внимаетъ—любити и жаловати. Аще жена по
 тому наученію и наказанію не живетъ... и слугъ
 не учить, ино достоинъ мужу жена своя наказы-
 вати и ползовати страхомъ на единѣ; и понака-
 завъ и пожаловати и примолвити... И слуги и дѣти
 такоже, посмотри по винѣ и по дѣлу, наказывати
 и раны возлагати; да наказавъ, пожаловати... А
 только жены или сына или дочери, слово или на-
 казаніе не иметь, не слушаетъ и не внимаетъ и
 не боится, и не творить того, какъ мужъ или
 отецъ, или мати учить,—ино плетью постегать, по
 винѣ смотря. А побить не передъ людьми, на еди-
 нѣ: поучити да примолвити и пожаловати; а ни-
 какоже не гнѣватися, ни женѣ на мужа, ни мужу
 на жену. А про всяку вину по уху, ни по видѣнью
 не бити, ни подъ сердце кулакомъ, ни пинкомъ,
 ни посохомъ не колоть; ни какимъ желѣзнымъ или
 деревяннымъ не бить: кто съ сердца или съ кру-
 чины такъ бьетъ, — многи притчи отъ того бы-
 ваютъ: слѣпота и глухота, и руку и ногу вывих-
 нуть, и персть; и главоболіе и зубная болѣзнь; а
 у беременныхъ женъ и дѣтемъ поврежденіе бы-
 ваетъ во утробѣ. А плетью съ наказаніемъ бе-
 режно бити: и разумно и больно и страшно и здо-

рово. А только велика вина и кручиновато дѣло, и за великое и за страшное ослушаніе и небреженіе, ино сойма рубашка илеткою вѣжливенько побить, за руки держа, но винѣ смотря; да поучивъ, примолвити; а гнѣвъ бы не былъ; а люди бы того не вѣдали и не слышали, жалоба бы о томъ не была... а не кается и не плачется о грѣхѣ своемъ, о винѣ, то уже наказаніе жестоко надобеть, чтобы былъ виноватый въ винѣ, а правый—въ правдѣ; а всякому грѣху покаянiе... а поклонны головы и мечъ не сѣчетъ, а покорно слово кости не ломить»¹⁾).

Домострой закрѣпляетъ свой наказъ слѣдующимъ обращеніемъ къ мужу или главѣ дома: «аще мужъ самъ того не творитъ, что въ сей памяти писано, и жены не учитъ, ни слугъ своихъ, и домъ свой не но Бозѣ строптъ, и о своей душѣ не радитъ, и людей своихъ по сему писанію не учитъ, и онъ самъ погубленъ въ семь вѣщѣ и въ будущемъ и домъ свой погубитъ и прочихъ съ собою. Ащели добрый мужъ о своемъ спасеніи радитъ, и жену и чадъ своихъ наказуетъ, такоже и домочадцевъ своихъ всякому страху Божию учитъ и законному христіанскому жителству, якоже есть писано,—и онъ вкушѣ со всѣми въ благоденствѣ по Бозѣ жизнь свою препроводитъ и милость Божию получитъ».

Въ другомъ мѣстѣ, въ «наказѣ мужу и женѣ и

¹⁾ Такъ правильнѣе читается эта пословица въ нашемъ спискѣ Домостроя (XVIII в.). Въ изданіи Голохвастова: «покорно слово кость ломитъ», стр. 68.

людемъ и дѣтемъ какъ лѣпо быти имъ», — Домострой укрѣпляетъ свое поученіе такою же грозною о великой отвѣтственности владыки дома предъ Владыкою міра и тѣмъ же милованіемъ за доброе выполненіе его устава. «Аще-ли небреженіемъ и нерадѣніемъ самъ, или жена мужнимъ ненаказаніемъ, согрѣшитъ или что зло сотворитъ, и вси домочадцы, мужи и жены и дѣти, господаревымъ (твоимъ) ненаказаніемъ, каковъ грѣхъ или что зло сотворятъ, или брань, или татьбу, или блудъ: всѣ вкупѣ по дѣламъ своимъ примутъ, зло сотворшии — муку вѣчную, а добросотворшии, (иже сущіе съ тобою вкупѣ — и которые съ тобою вкупѣ) богоугодно поживше, жизнь вѣчную наследятъ въ царствіи небесномъ. А себѣ большій вѣнецъ примеша, понеже не о себѣ единомъ попеченіе имѣя къ Богу, но и сущихъ съ собою введе въ жизнь вѣчную».

Таково было великое и высокое значеніе господара дома, такова была великая и страшная его нравственная отвѣтственность предъ Богомъ, и именно за свой домъ. Онъ одинъ за всѣхъ долженъ былъ «отвѣтъ дати въ день страшнаго суда», какъ говоритъ Домострой въ другомъ мѣстѣ. Эта священная обязанность и великая отвѣтственность сама собою уже давала владыкѣ дома самыя полныя, безирекословныя, самыя широкія права поступать въ домѣ единственно только по собственной волѣ, ставить началомъ всего домашняго нравственнаго и хозяйственнаго строя только свою волю. Практическая жизнь главнымъ образомъ это только хорошо и понимала въ ученіи Домо-

строю, по той особенной причинѣ, что Домострой ничего опредѣлительнаго не говоритъ о томъ, какова должна быть сама эта господарская воля. Онъ учитъ ее только не гнѣваться, исполнять свои наказанія сознательно, разумно, съ самообладаніемъ, безъ сердцовъ, и смягчать ихъ тотчасъ любовною привѣтливостью, пожалованіемъ: наказать да и пожаловати, поучить да примолвити. Но этимъ самымъ онъ вполнѣ и обрисовываетъ существо и свойство господарской воли. Онъ иначе ее не понимаетъ, какъ волю родителя, а родительская воля, по его убѣжденію, сама себѣ образецъ и сама себѣ наука. Въ ея отношеніяхъ къ подвластной средѣ никакихъ опредѣленій быть не можетъ. Опредѣленія воли должны распространяться только въ этой подвластной родителю средѣ. Вотъ почему Домострой особенно и настаиваетъ, чтобы господарь жены, чадъ и домочадцевъ какъ возможно заботливѣе опредѣлялъ ихъ волю.

«Казни сына своего отъ юности его, и покоить ты на старость твою, и дасть красоту души твоей. И не ослабляй бѣя младенца: аще бо жезломъ (лозою) бѣиши его, не умреть, но здравѣе будетъ: ты бо, бѣя его по тѣлу, а душу его избавляеши отъ смерти. Дщерь ли имаши, положи на нихъ грозу свою, соблюдеши я отъ тѣлесныхъ, т. е. грѣховъ... Любя же сына своего, учащай ему раны, да послѣди о немъ возвеселишися... И не дажь ему власти (воли) во юности, но сокруши ему ребра, донележе растеть, а ожесточавъ, не повинеть ти ся; и будетъ ти досажденіе, и болѣзнь души, и тщета

домови, погибель имѣнію и укоризна отъ сусѣдъ, и посмѣхъ предъ враги, предъ властеми платежъ и досада зла».

Очень понятно, что отъ дѣтей Домострой, по заповѣди Господней, требуетъ повиновенія и послушанія родителямъ во всемъ. «Со страхомъ раболѣбно служите имъ, заключаетъ онъ свое наказаніе, да и сами отъ Бога мзду примете и жизнь вѣчную наслѣдите, яко совершители его заповѣди». Но этотъ наказъ дѣтямъ какъ и самый приведенный выше наказъ отцу «како дѣти учти и страхомъ спасати», въ духѣ своемъ, какъ и на самомъ дѣлѣ, распространялся и ко всеѣмъ живущимъ подъ властью домовладыки. Предъ его лицомъ все были дѣтьми, не исключая и ихъ матери или его жены. Домочадцы же, т. е. слуги со всеѣми своими семьями стояли ниже степеню и дѣтей господаря, ибо почитались чадами дома, чадами всего господарскаго семейства. Такимъ образомъ поученіе: «казни сына своего», какъ и поученіе о повиновеніи дѣтей, практически относилось ко всякому безъ исключенія члену господарскаго дома. Оно служило единымъ основаніемъ домашняго господарскаго быта. Такое же дѣтское послушаніе Домострой налагаетъ и на жену: «жены мужей своихъ вопрошають о всякомъ благочиніи: како душа спасти, Богу и мужу угодити и домъ свой добре строити; во всемъ ему покорятися и что мужъ накажетъ, то съ любовію примати (и со страхомъ внимати) и творите по его наказанію... а повся бы дни у мужа жена спрашивалась и совѣтовала о

всякомъ обиходѣ, и вспоминала, что надобеть. А въ гости ходити и къ себѣ звати: ссылаться съ кѣмъ велить мужъ»... Домострой опредѣляетъ для жены даже и то, какъ и о чемъ съ гостями бесѣдовать. «И то въ себѣ внимати: у которой гостыи услышитъ добрую пословицу: какъ добры жены живутъ и какъ порядню ведутъ, и какъ домъ строить, и какъ дѣти и служакъ учать; и какъ мужей своихъ слушаютъ и какъ съ ними спрашиваются и какъ повинуются имъ во всемъ»... Равновѣсія отношеній между мужемъ и женою Домострой и не предчувствуетъ. Доля жены въ нравственномъ смыслѣ есть доля дѣтская. Она, съ одной стороны, первый изъ домочадцевъ, какъ первый и ближайшій слуга мужа, на обязанности котораго лежитъ весь домашній обиходъ. Съ другой стороны, она старшій изъ дѣтей, правая рука мужа.

Конечно, на самомъ дѣлѣ положеніе жены могло быть и въ дѣйствительности бывало лучше, чѣмъ то, какое рисуется ученіемъ Домостроя. Но лучшимъ это положеніе бывало уже по требованіямъ самой жизни, но никакъ не по ученію Домостроя, которое, напротивъ, своими освященными, авторитетными рѣчами отдавало жену въ полную опеку мужа, слѣд. ставило ее не только въ дѣтскія, но и въ рабскія отношенія къ нему, и все это утверждало искони-вѣчнымъ уставомъ добраго и богоугоднаго житія.

Мужъ, государь дома, оставался такимъ образомъ единымъ лицомъ, самостоятельность котораго была несомнѣнна и ничѣмъ непрекаема. Въ этой

одной только формѣ личность признавалась самостоятельной и обществомъ. На этомъ одномъ лицѣ утверждался и союзъ общежитія. Это одно лицо было, такъ сказать, цѣлымъ, полнымъ лицомъ. Все остальное имѣло значеніе неполноты, неоконченности, вообще значеніе дѣтства.

Такими-то ученьями созидался и укрѣплялся въ народномъ сознаніи идеаль родовой или родительской власти, что въ сущности одно и то же. Значеніе этого идеала въ древне-русской жизни, его вліяніе на народный умъ, на всѣ представленія народа о житейскихъ отношеніяхъ, были такъ сильны и велики, что самая оцѣнка даже историческихъ событій и подвиговъ разсматривалась по преимуществу съ точки зрѣнія того же идеала. Такъ, всякое проявленіе личной или общественной самостоятельности, всякое малѣйшее движеніе личной или общественной независимости тотчасъ же возбуждало нравственное осужденіе, какъ порокъ гордости, самонадѣянности, высокоумія. Конечно, это осужденіе всегда имѣло въ виду христіанскій идеаль смиренія, во имя котораго оно и распространяло свои поученія о гордости; но самый идеаль смиренія могъ получить особенный смыслъ, самый раболѣбный, только подъ сильнымъ вліяніемъ библейскаго идеала родовой власти, которая, какъ мы видѣли, смиреніе, покореніе возносила на высоту главнѣйшихъ добродѣтелей жизни, и именно для младшей ея среды, для младшей и въ домашнемъ и въ общественномъ значеніи.

«Господь бо гордымъ противится, смиреннаго

Богъ любигь, а покоренному (покорному) Богъ благодать даеть... Богъ бо не любитъ высокія мысли нашія, возносящагося смиряетъ... Всякъ возносяйся смирится, а смиряяйся вознесется...» Вотъ ученіе, которое проходитъ очень сильною чертою по всей нашей исторіи и особенно въ нашемъ бытовомъ развитіи. Литература, не только книжная, но и устная, непосредственная, чертитъ множество образовъ съ цѣлью утвердить эту истину, сдѣлать ее вполне осязательною и очевидною. Лѣтописцы пользуются каждымъ подходящимъ событіемъ или подходящимъ случаемъ, чтобы напомнить людямъ крайнюю очевидность этой истины. Пришелъ князь Ярославъ Святополчичъ на Андрея къ городу Владимиру (южному): «разгордѣвшю, надѣяся на множество вой, и молвяше такъ Андрееви и горожаномъ: то есть градъ мой; оже ся не отворите, не выйдите съ поклономъ, то узрите, завтра приступлю къ граду и възму городъ». Но на разѣздѣ подъ городомъ его убиваютъ измѣннически свои же два ляха. И такъ «умре Ярославъ, одинъ въ толикой силѣ войска, за великую гордость его, понеже не имѣяше на Бога надежи, но надѣяся на множество вой. Виждь, что преодолѣ гордость... прочее, дружино и братье, разумѣйте но которомъ есть Богъ, по гордомъ ли или по смиренномъ». Новгородцы, напр., съ самаго ранняго времени прославляются гордыми за то, что крѣпко держатъ свою самостоятельность и независимость противъ княжескихъ притязаній. Случилось въ 1169 году, что войска Андрея Суздаль-

скаго опустошили Новгородскую область, хотя потомъ съ великимъ урономъ сами были отбиты отъ Новгорода. Но лѣтописецъ пользуется случаемъ и рассуждаетъ: «такъ сихъ людей новгородскихъ (нашествіемъ Андрея) наказалъ Богъ и смирилъ ихъ до зѣла... за гордость ихъ навелъ на нихъ....»

Вообще именемъ гордости, кромѣ нравственнаго порока, обозначалось и всякое независимое или самостоятельное дѣяніе, гдѣ бы оно ни обнаружилось. Въ этомъ смыслѣ и московскій князь Симеонъ былъ прозванъ гордымъ.

Приводить новые тексты, въ которыхъ съ большею или меньшею силою развивается этотъ идеалъ смиренія, значить касаться одного изъ самыхъ любимѣйшихъ мотивовъ нашей древней литературы, который проходитъ, какъ бы основною ея нитью черезъ всѣ вѣка и не только въ книжныхъ, заимствованныхъ, но и въ народныхъ, самобытныхъ произведеніяхъ. Изъ послѣднихъ, наилучшимъ и наиболѣе пластическимъ выразителемъ этого идеала служить извѣстная «повѣсть о Горѣ Злосчастіи», въ которой живыми красками изображается ослушаніе родительское, вообще непослушаніе, непокореніе и непоклоненіе родителямъ, а въ сущности, безнравственное, по тогдашнимъ понятіямъ, и самонадѣянное стремленіе личности жить, какъ себѣ любо. Это-то стремленіе къ самостоятельности и независимости приравнивается, и съ полнымъ основаніемъ съ точки зрѣнія родового идеала, къ дѣтской глупости. По-

вѣсть описываетъ жизнь молодца, оторвавшагося отъ родного корня, въ сущности, жизнь личности гулящей, и въ томъ смыслѣ, что она сбилась съ настоящей дороги, повела себя развратно; и въ томъ смыслѣ, что она хотѣла жить свободно, самостоятельно, независимо отъ родительской опеки, ибо, по понятіямъ вѣка, жить безъ опеки значило то же, что жить гулящимъ путемъ, развратно.

Молодецъ, захотѣвшій жить, какъ ему любо, былъ въ то время «маль и глушь; не въ полномъ разумѣ и не совершенъ разумомъ». Только глушій и могъ рѣшиться скинуть съ себя родительскую опеку, хотя бы и сознавалъ въ себѣ силу и возможность жить своимъ разумомъ. Глупо это было потому, что уму вѣка не представлялось и самой мысли о томъ, что личность можетъ существовать безъ опеки. Безъ опеки, она непременно должна погибнуть. Эта идея и составляетъ главный мотивъ разсматриваемой «повѣсти». Въ доказательство своей правды, она, эта идея, въ началѣ рисуетъ самостоятельную жизнь добраго молодца завидными красками: онъ наживаетъ деньги, друзей; честь его какъ рѣка течетъ. «Другове къ молодцу прибивалися, родъ племя причиталися...» Все у него есть, но нѣтъ у него главнаго, нѣтъ воли, а изъ родительской воли — опеки онъ ушелъ, стало быть, потерялъ точку опоры и за это самое и долженъ быть наказанъ злою долею. Въ этомъ и заключается вся его вина — ослушаніе родительское. Повѣсть ничего другаго и не думаетъ изобразить, какъ одно назиданіе, что вышедшій изъ родитель-

ской воли молодецъ всегда падаетъ. Его другъ, названный братъ, заводитъ его въ избу кабацкую. «Не хочется молодцу друга ослушаться; принимается онъ за нитя за пьяныя и просынается обобраннымъ до нитки». Въ лохмотьяхъ стало срамно молодцу появиться къ своему отцу и матери, и къ своему роду и племени, и къ своимъ прежнимъ милымъ друзьямъ. Пошелъ онъ на чужую сторону; попадаетъ на ширь къ добрымъ людямъ, рассказываетъ свое ослушанье родительское: «ослушался я отца своего и матери, благословенья мнѣ отъ нихъ миновалось; Господь Богъ на меня разгнѣвался... Отечество мое потерялося, храбрость молодецкая отъ меня миновалася!» Онъ, такимъ образомъ, теряетъ свое достоинство; въ собственныхъ глазахъ онъ становится ничтожнымъ. Онъ проситъ добрыхъ людей научить, какъ жить на чужой сторонѣ, въ чужихъ людяхъ. Добрые люди, т. е. само общество, эта чужая сторона, поучаютъ его такъ: не будь ты спесивъ на чужой сторонѣ: покорися ты другу и недругу, поклонися стару и молоду, будь скромень, не льстивъ и не лукавъ, смиреніе ко всѣмъ имѣй, съ кротостію держися истины съ правдою... то тебѣ будетъ честь и хвала великая... Таковы требованія жизни въ обществѣ, которое иначе не представлялось исполненному родовой идеи уму, какъ чужою стороною.

На чужой сторонѣ стать жить молодецъ умѣючи; отъ великаго разума наживаль онъ живота (богатства) больше стараго. — Словомъ ска-

зять, самостоятельность его стала несомнѣнною. Онъ задумалъ жениться, срядилъ честный пиръ отечествомъ и вѣжствомъ и на пиру похва-стался, что сталъ совсѣмъ независимъ, — нажи-валъ де я живота больше стараго. А всегда гнило слово похвальное, похвала живетъ человѣку па-губа! За эту похвалу, а въ сущности, за сознаніе своей независимости и свободы, которое, но есте-ственнымъ причинамъ, личность не могла не вы-сказать, за это ей готовится пагуба, готовится кара въ образѣ Горя-Злосчастія. Подслушало Горе-Злосчастіе хвастанье молодецкое, само говоритъ таково слово: не хвались ты, молодецъ, своимъ счастіемъ, не хвались своимъ богатствомъ; бывали люди у меня, Горя, и мудрые тебя и досужае, и я ихъ, Горе, перемудрило: учинися имъ злосчастіе великое; до смерти со мною боролися; во зломъ злосчастіи позорилися.

Вотъ судьба, ожидавшая всякую личность, ко-торая высвобождалась изъ родовой онеки, которая отрывалась отъ родового корня, которая теряла свое отечество. Это судьба ребенка-сироты, бро-шеннаго на произволъ случайностей. Такъ лич-ность и понималась нашимъ древнимъ вѣкомъ, когда она устремлялась жить, какъ себѣ любо. Индивидуальной жизни, индивидуальных стремле-ній вовсе не существовало въ его сознаніи. Жизнь родомъ, а не личностью, жизнь въ круговой зави-симости и въ круговой онекѣ — это жизнь правильная и счастливая. Жизнь, отдѣлившаяся отъ своего цѣ-лаго, естественно жизнь неправильная, не обстоя-

тельная, жизнь горя-злосчастія, котораго «гнѣздо и вотчина въ бражникахъ». Въ дѣйствительности такъ, большею частію, и бывало. Оторвавшаяся отъ родного союза личность, разумѣется, очень рѣдко могла выдержать борьбу съ случайностями самостоятельнаго житья-бытья, ибо выходила она на эту борьбу, въ самомъ дѣлѣ, глухимъ, малымъ ребенкомъ, т. е. съ ребяческимъ воспитаніемъ своей воли. Поэтому Горе-Злосчастіе и становится олицетвореніемъ личной свободы человѣка, живущаго на своихъ ногахъ, безъ всякой опеки. Образъ Горя-Злосчастія есть образъ свободной личности, начертанный нравственнымъ ученіемъ вѣка, въ назиданіе молодому поколѣнію. Отъ этой кары никуда нельзя было уйти. Горе-Злосчастіе неизмѣнно приводило молодца къ бражничеству, соблазняло его безотвѣтственною жизнью нагихъ-босыхъ и преслѣдовало его всюду...

Прожившійся молодецъ идетъ въ чужу дальну сторону, встрѣчаетъ на пути рѣку, а за перевозъ заплатить нечего. Съ тоски и съ голоду онъ хочетъ лучше въ рѣкѣ утопиться.

«Площи мое тѣло, быстра рѣка! Ино ѣжьте, рыбы, мое тѣлое бѣлое! Ино лутчи мнѣ житія сего позорнаго! Уйду ли я у горя злосчастнаго!» Но воскликнуло Горе: «стой ты молодецъ, меня, Горя, не уйдешь никуда! А въ горѣ жить — некручинну быть! а кручинну въ горѣ погинути! Снамятуй, молодецъ, житіе свое первое, и какъ тебѣ отецъ говорилъ, и какъ тебѣ мати наказывала; очемъ тогда ты ихъ не послушалъ? Не захотѣлъ ты имъ

покорится, постыдился имъ поклониться, а хотѣлъ ты жить, какъ тебѣ любо... а кто родителей своихъ (на добро) ученія не слушаетъ, того выучу я, Горе злосчастное.» Покорился молодецъ Горю нечистому, поклонился Горю до сырой землѣ.

Покорность и здѣсь награждается тѣмъ, что молодца перевозятъ даромъ черезъ рѣку. Добрые люди напоили, накормили его, сняли съ него одежду кабацкую и дали ему платье крестьянское, да и присовѣтовали ему идти на свою сторону, къ своимъ родителямъ, проститься (примириться) съ ними, взять отъ нихъ благословеніе родительское. Пошелъ молодецъ въ свою сторону; но горе напередъ зашло, вездѣ его встрѣчаетъ. «Ты стой, не ушелъ добрый молодецъ! не на часъ я къ тебѣ горе злосчастное привязалось...» Полетѣлъ молодецъ соколомъ, полетѣлъ сизымъ голубемъ, побѣждалъ молодецъ въ полѣ сѣрымъ волкомъ, сталъ въ полѣ ковыль-трава, пошелъ въ море рыбою, — вездѣ горе готовило ему напасть напрасной смерти. Наконецъ оно научаетъ молодца богато жить — убить и ограбить, т. е. сдѣлаться разбойникомъ. Но молодецъ вспоминаетъ спасенный путь и уходитъ въ монастырь, постригатися. Горе остается у святыхъ воротъ, къ молодцу впередъ не привяжетца».

Въ этомъ подвигѣ молодца вполне и высказалась даже историческая правда, что единственнымъ исключительнымъ приобѣжищемъ для индивидуальной жизни былъ монастырь, къ которому, по этой причинѣ, всегда и стремилась искавшая себѣ спасенія наша донетровская личность.

Хотя мы и видимъ, что эта назидательная повѣсть олицетворяетъ свою кару Горя-Злосчастія, какъ бы исключительно за ослушаніе родительское; однако, необходимо помнить, что отношеніе родовой опеки къ свободѣ личности никогда иначе и не могло выразить своихъ положеній, какъ въ этой частной формѣ, которая, въ сущности, была общею формою всяческой опеки. Объ этомъ свидѣтельствуется даже и сама повѣсть; изобразивши въ началѣ происхожденіе и общую характеристику человѣческаго рода, она обозначаетъ это свое введеніе къ повѣсти общею чертою: таково рожденіе человѣческое «отъ отца и отъ матери», т. е. происхожденіе и свойство человѣческой природы.

«Ино зло племя человѣческо: вначалѣ пошло ненокорливо, и къ совѣтному другу обманчиво. А се роди пошли слабы, добрубожливи ¹⁾; а на безуміе обратилися и учали жить въ суетѣ... А прямое смиреніе отринули. И за то на нихъ Господь Богъ разгнѣвался; положилъ ихъ въ напасти великія... все смиряючи насъ, наказуя и приводя насъ на спасенный путь».

Такимъ образомъ, главнымъ мотивомъ повѣсти остается все тотъ же, общій во всей поучительной литературѣ, мотивъ смиренія, покоренія, послушанія, съ отрицаніемъ всякой ненокорливости и гордости, именемъ которой, какъ мы замѣтили, обозначалось и все самостоятельное въ дѣйствіяхъ человѣческой личности. Въ этомъ отношеніи по-

1) Добре-убожливы—убогн.

вѣсть о Горѣ-Злосчастіи есть только поэтическое воспроизведеніе основныхъ ученій Домостроя.

Къ какимъ же практическимъ результатамъ приводили всѣ эти поученія и наказанія, какъ эта теорія являлась въ практикѣ, какую личность, съ какимъ характеромъ воспитывалъ и выпускалъ на общественную дѣятельность этотъ домашній, семейный строй жизни? Иначе сказать: какую личную волю приготавлиалъ для общества нашъ древній Домострой?

Мы видимъ, что, съ одной стороны, въ лицѣ старшаго, онъ воспитывалъ, утверждалъ и освящалъ самый безграничный произволь, стало быть, полную необузданность воли. Съ другой стороны, въ лицѣ каждаго младшаго, онъ воспитывалъ, утверждалъ и освящалъ безирекословное и покореніе, и послушаніе, безграничное приниженіе личности, полное дѣтство и раболѣцство воли. Между этими двумя крайностями мы не видимъ никакой середины.

Родительская опека, какъ единая нравственная сила, державшая весь строй нашего древняго общества, и помимо писанаго ученія, но естественной причинѣ, должна была водворить въ умахъ непреложное убѣжденіе, что воля старшаго есть законъ для младшихъ. Это была сама сущность родительской власти, вытекавшая изъ естественныхъ, непосредственныхъ отношеній отца къ своимъ дѣтямъ. Разумное начало, утверждавшее

такія отношенія, основывалось на томъ фактѣ, что физически малолѣтній, въ дѣйствительности, не способенъ еще руководиться своею незрѣлою и потому глупою, неразумною волею. Ребенокъ иначе и не могъ обнаруживать свою волю, какъ только по-дѣтски, неразумно; поэтому разумъ и воля старшаго, по необходимости, являлись здѣсь руководителями и опекунами малолѣтней воли. На этомъ утверждалось семейное начало жизни. Но тотъ же законъ распространялся дальше, шире, когда семья развивалась въ цѣлый родъ; а такъ какъ родъ представлялъ, въ сущности, только размножившуюся семью, то и начало его жизни и дѣйствій оставалось то же. Какъ умножившаяся семья, родъ распространяетъ семейное начало жизни, родительскую опеку, на множество лицъ, которыя, съ его точки зрѣнія, въ нисходящей степени всѣ, въ дѣйствительности, оказываются малолѣтними, а потому и неразумными предъ восходящею степенью, непремѣнно требующими руководства и опеки. Въ родовомъ распорядкѣ лицъ физическое старшинство, какъ мы сказали, пріобрѣтаетъ уже смыслъ старшинства нравственнаго. Это-то нравственное старшинство, при дальнѣйшемъ развитіи родовыхъ понятій, становится господствующею силою племенной, а вслѣдъ за нею и общественной жизни, въ которой, по закону такого развитія, трудно было народиться представленію о томъ, что личность носитъ въ себѣ не родовой, подчиненный, а независимый, особый, единичный индивидуальный смыслъ. По родовымъ понятіямъ, совершенно-

лѣтіе личности наставало не вслѣдствіе ея физическаго и нравственнаго развитія, а только вслѣдствіе ея родового, а по его идеалу и всякаго другого старшинства, или, говоря вообще, вслѣдствіе старшаго, властнаго положенія въ обществѣ, потому что бытовая власть, какъ мы говорили, была собственно властью отеческою, носила въ себѣ лишь одно существо, существо родительской опеки. Родичъ всегда оставался малолѣтнимъ къ восходящей линіи своего рода. Онъ физически вырасталъ, но нравственно старики все еще почитали его малолѣткомъ и не выпускали изъ своей воли; и такое малолѣтство могло, въ извѣстныхъ родовыхъ обстоятельствахъ, продолжаться до его собственной глубокой старости. Это понятно; не менѣе понятно то, что тотъ же самый взглядъ на существо человѣческой личности неизмѣнно господствовалъ и въ общественномъ сознаніи, въ порядкѣ и складѣ общественныхъ отношеній, во внутреннемъ, нравственномъ складѣ всего нашего древняго житья-бытья. Практическій, жизненный смыслъ отеческой воли заключался, какъ мы видѣли, въ личномъ родительскомъ произволѣ, въ той, еще до сихъ поръ не умершей и чуть не врожденной, нравственной аксіомѣ, что «мое дѣтище: хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло пахтаю», какъ мыслить еще современный намъ родитель, и какъ мыслялъ XII вѣкъ въ лицѣ старшаго города, какъ мыслялъ потомъ дѣдъ Грознаго, в. к. Иванъ Васильевичъ, сказавшій исковичамъ: «чи не во-

ленъ язь въ своимъ внукѣ и въ своихъ дѣтехъ? Ино кому хочу, тому дамъ княженство...»

Очевидно, что такая воля для малолѣтнихъ, и особенно для малолѣтнихъ въ общественномъ смыслѣ, не могла имѣть никакого другого смысла, какъ смыслъ произвола, смыслъ простой грубой силы или насилія, смыслъ обыкновенной физической силы, въ какой, подъ видомъ ученья — битья, по преимуществу, проявлялась эта воля старшаго или родительская воля. Но этотъ произволь, въ глазахъ массы, освящался не только авторитетомъ своего происхожденія, т. е. происхожденія изъ непрекаемой власти родительской, но и ученіемъ церкви, которая утверждала и распространяла его, какъ единственную силу общественнаго союза. Въ убѣжденіяхъ массы этотъ произволь, эта воля старшаго, построившая по своему идеалу и всю бытовую власть, являлась какою-то первою физической стихіею, въ родѣ огня, воды, предъ которою, по необходимости, должна была приникать всякая самостоятельность, а тѣмъ болѣе самостоятельность индивидуальной личности.

Малолѣтній, т. е. ребенокъ, отрокъ физически, равно какъ и ребенокъ, отрокъ общественно, чувствовалъ на каждомъ шагу силу этой воли — стихіи, и по необходимости ею одною воспитывался, воспитывалъ свои понятія и свои стремленія. Другихъ началъ, другихъ источниковъ для развитія и образованія собственной воли онъ не имѣлъ. Его со всѣхъ сторонъ охватывала среда произвольныхъ поступковъ, произвольныхъ дѣйствій, которые пред-

ставляли практическое только выполнение цѣлаго нравственнаго ученія объ авторитетной волѣ старшихъ. Въ этомъ ученіи онъ выяснялъ себѣ понятіе не о нравственной свободѣ человѣка вообще, на чемъ и должна бы созидаться воля, напротивъ, онъ выяснялъ себѣ твердое убѣжденіе о подчиненіи такой свободы произволению старшихъ, какъ исключительныхъ, отъ рода и отъ вѣка поставленныхъ, блюстителей нравственнаго закона. Онъ выяснялъ себѣ твердое убѣжденіе, что никто не долженъ имѣть воли (свободы) въ качествѣ человѣческой личности, а всякій долженъ обладать ею только въ качествѣ старшаго, въ качествѣ отца своимъ дѣтямъ, и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ всякаго властнаго положенія въ обществѣ. Воспитанный въ родительскомъ произволѣ, произволѣ старшихъ вообще, крѣпко убѣжденный, что этотъ произволъ, иначе родительская и родовая опека, есть священная воля самой нравственности, неколебимая основа нравственной жизни; что этою только одною волею держится не только связь семьи, рода, но и связь всего общества, всей земли,—старый нашъ предокъ, вступая въ жизнь уже возрастнымъ, болѣе или менѣе сознательнымъ ея дѣятелемъ, ничего не могъ принести въ нее другого, какъ тѣ же самыя понятія и убѣжденія, какъ тотъ же основной смыслъ воли вообще и своей въ особенности, тотъ же произволъ, который представлялъ для него единственную и исключительную норму дѣйствій и дѣяній.

Дѣйствуя по такому умоначертанію, по такому

развитію и складу своего нрава, онъ не могъ въ собственномъ сознаніи отдѣлить законнаго отъ незаконнаго въ этомъ отношеніи, потому что здѣсь для него ясенъ былъ одинъ только законъ—воля или произволъ старшаго, стало быть, своя воля, когда онъ самъ дѣлался старшимъ, властнымъ, т. е. свободнымъ и самостоятельнымъ, по его понятіямъ и представленіямъ. Истинныхъ понятій о нравственной свободѣ лица не могло существовать въ обществѣ, гдѣ родовой духъ съ такою силою пригнеталъ, давилъ личность, т. е. всякую чловѣческую индивидуальность. Поэтому идея свободы понималась такъ же матеріально, какъ и идея воли, и свобода значила собственно освобожденіе отъ чужой воли, а слѣдовательно пріобрѣтеніе своей воли, или въ сущности пріобрѣтеніе нравственной или матеріальной силы распорядиться въ данныхъ обстоятельствахъ полнымъ хозяиномъ. Идея самостоятельности, нравственной независимости была нераздѣльна съ идеей самовластиа, а еще ближе, съ идеей самоволиа и своеволиа. Вотъ почему мы, люди другого времени и другихъ понятій о законахъ нравственности, не имѣемъ права слишкомъ строго судить объ этомъ неизмѣримомъ и безграничномъ своеволиіи и самовластіи, которое такъ широко господствовало въ нашемъ допетровскомъ и петровскомъ обществѣ, и особенно мало имѣемъ права осуждать за это отдѣльныя, а тѣмъ болѣе историческія личности, которыя всегда служатъ только болѣе или менѣе сильными выразителями идей и положеній жизни своего общества.

Своеволіе и самовластіе въ ту эпоху было нравственною свободою человѣка; въ этомъ крѣпко и глубоко былъ убѣжденъ весь міръ-народъ; оно являлось общимъ, основнымъ складомъ жизни. Это была общая норма отношеній между старшими и младшими, между властными и безвластными, между сильными и безсильными, между независимыми и зависимыми, и въ физическомъ, и въ нравственномъ, и въ служебномъ, и въ общественномъ, и въ политическомъ отношеніяхъ. Это былъ нравственный законъ жизни, выращенный ею же, самою жизнію, изъ почвы родового, патриархальнаго быта и отеческихъ поученій; законъ, которому противорѣчія, отрицанія являлись только въ средѣ государственныхъ, вообще гражданскихъ, соціальныхъ стремленій, постоянно, хотя и не всегда успѣшно, съ нимъ боровшихся. Нужно было очень много времени для того, чтобъ этотъ законъ, въ борьбѣ съ государственными, т. е. соціальными элементами, износилъ свои жизненные начала, сдѣлался дряхлымъ и ветхимъ, какимъ онъ представляется нашему сознанію только теперь, въ началѣ второго тысячелѣтія нашей исторической жизни, все еще, время отъ времени, давая намъ иногда сильно чувствовать, что не совсѣмъ угасло его престарѣлое существованіе.

Само собою разумѣется, что историкъ, въ своихъ разысканіяхъ и размышленіяхъ о характерѣ многихъ событій нашей исторіи и особенно о ха-

рактёръ дѣйствовавшихъ въ этихъ событіяхъ лицъ, не могъ не замѣтить, не могъ не почувствовать особенной, какъ бы основной черты, проходящей по всей нашей исторіи и неизмѣнно появляющейся въ каждомъ, сколько-нибудь сильномъ и наиболѣе выразительномъ ея дѣйстви, особенно за послѣдніе два вѣка передъ реформою. Трудно было хорошо выяснитъ себѣ эту основную черту, найти ея истинный, жизненный смыслъ. Тому очень мѣшали наши взгляды, исполненные западныхъ идей, западныхъ представленій объ историческихъ силахъ, развивавшихъ тамошнія народности. Западными идеями мы по преимуществу измѣряли и собственное историческое развитіе; дѣлали ему оцѣнку съ точки зрѣнія западныхъ представленій о свободѣ и рабствѣ, о правѣ и государствѣ, о соціальной общинѣ, объ обществѣ и общественности, а главнымъ образомъ, о свободной и независимой личности. Отсюда развившееся въ Москвѣ самодержавіе мы объясняли и до сихъ еще поръ объясняемъ татарскою идеею, которая будто бы въ немъ ярко воплотилась и, какъ самое Бытеевико, безошадно громила всѣ свободныя, самостоятельныя учрежденія совершенно свободной, будто бы «удѣльно-вѣчевой» нашей старины ¹⁾). Запад-

1) Въ исторической литературѣ сильную проповѣдь въ этомъ направленіи держалъ Н. И. Костомаровъ. За нимъ, какъ его отголоски, слѣдовали и ученые изыскатели и идеалисты-поэты, въ томъ числѣ графъ А. К. Толстой, который между прочимъ писалъ слѣдующее: «Когда я думаю о красотѣ нашей исторіи до проклятыхъ монголовъ и отвратительной Москвы, которая болѣе позорна, чѣмъ они, мнѣ хо-

ный человекъ, исполненный идей о правахъ независимой личности, иначе и не могъ смотрѣть на наше дѣло, какъ именно такими глазами. По его взгляду и мы такъ поняли основной законъ нашей исторіи и вслѣдствіе того подняли нашу семейную и вѣчевую общину до идеала, какой возможенъ только въ поэзіи. Древняя семья-община предстала намъ въ образѣ угнетенной невинности; между тѣмъ, она-то и была первою причиною этой татарской идеи, наилучшею почвою ея воспитанія и развитія. Самодержавіе въ своей самовластной формѣ XVI и XVII вѣка явилось роскошнымъ цвѣтомъ и плодомъ именно родовой культуры, которая заботливо воспитывала насъ съ самыхъ первыхъ временъ нашей исторіи. Не зная хорошо самихъ себя въ исторіи и во всемъ своемъ, даже современномъ, быту, мы, по неизбежной причинѣ, должны были удаляться больше въ поэзію, чѣмъ идти къ здоровому, чисто научному изслѣдованію. Мы и теперь все еще идеализируемъ нашу прошлую жизнь по плану иноземныхъ идей. Однако разработка нашей исторіи хотя и медленно, но все-таки подвигается впередъ, и здравый реализмъ, который характеризуетъ ее въ послѣднее время, незаметно наводитъ насъ на инныя соображенія о дѣйствующихъ силахъ нашей исторіи.

чется броситься и кататься по землѣ отъ отчаянія: что мы сдѣлали съ дарами, которые далъ намъ Богъ... Моя ненависть къ Московскому періоду есть идіосинкразія, и я не подвигиваю себя, чтобы говорить о немъ то, что говорю. Это не тенденція—это я самъ». (Письма въ Вѣстникѣ Евropy, октябрь и ноябрь 1895 г.).

Сводя счеты всей дѣятельности и дѣйствительности старой Руси до эпохи преобразованія, историкъ никакъ не могъ не почувствовать той основной черты въ нашихъ историческихъ характерахъ, о которой мы ведемъ рѣчь.

Онъ долженъ былъ замѣтить ея присутствіе повсюду и, слѣдя главнымъ образомъ за формами жизни, по естественной причинѣ остановился на самой выразительной, законченной, поэтической ея формѣ, которую создалъ самъ народъ. Историкъ очень вѣрно охарактеризовалъ эту черту эпическимъ богатырствомъ. Богатырь, въ самомъ дѣлѣ, въ народныхъ поэтическихъ представленіяхъ, является образомъ самостоятельной, независимой, вполне свободной личности, какъ рисовалъ ее себѣ нашъ старый вѣкъ.

Указывая общее направленіе или общую силу дѣяній русскаго человѣка въ XVII ст., историкъ говоритъ: «Бытъ русскаго народа до эпохи преобразованія вполне выражается въ его поэзи; однихъ ея памятниковъ достаточно для вѣрной, общей оцѣнки этого быта... Вслупавшись внимательно въ эту длинную и однообразную нѣсню русскаго народа, которую онъ заводитъ отъ Кіева и Царягорода, и ведетъ черезъ Волынь, Галичь, Черниговъ, Новгородъ, Москву къ Казани, Астрахани и Сибири, мы видимъ ясно, что это народъ, прожившій восемь вѣковъ въ одинаковыхъ историческихъ условіяхъ. Любимый образъ фантазіи нѣвцовъ это богатырь-казакъ, названія однозначія. Какъ въ X, такъ и въ XVII вѣкѣ русскій міръ былъ на

украинѣ; какъ въ X, такъ и въ XVII вѣкѣ чело-
вѣкѣ, которому было тѣсно въ избѣ отцовской, у
котораго сила по жилочкамъ живчикомъ пе-
реливалась, которому было грузно отъ си-
лушки, какъ отъ тяжелаго бремени, отпра-
влялся въ степь-поле, гдѣ ему легко найти, на комъ
попробовать свою силу молодецкую. Многое пере-
мѣнилось въ государственномъ строю Россіи съ X
до XVII вѣка, отъ временъ ласковаго кіевскаго
князя Владимира до временъ великаго царя Але-
ксѣя Михайловича, всея Великія, и Малыя, и Бѣ-
лыя Россіи самодержца, но удалыцы попрежнему
шли въ степь поляковать (отъ поле), на Дону
образовалось большое военное братство удалыхъ
поляницъ (опять отъ поле), гдѣ каждому бога-
тырю можно было набрать себѣ дружину и идти
на подвигъ. Такимъ образомъ для народа была воз-
можность черезъ цѣлый рядъ вѣковъ пѣть свою
пѣсню на одинъ ладъ, потому что содержаніе ея
было живо передъ его глазами; богатырь не уми-
ралъ въ казакѣ, и наши древнія богатырскія пѣсни
въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насъ, суть
пѣсни казацкія, о казакахъ».

Такимъ образомъ выходитъ, что допетровское
русское общество со стороны общаго характера
своихъ подвиговъ, дѣяній и былей, переживало
еще древній, эпическій складъ быта. Богатырство,
какъ извѣстный законъ личнаго характера, было
исходнымъ началомъ личной дѣятельности, лич-
наго дѣянья. Понятно, что образомъ богатырства
можетъ быть обрисовано и казачество, весьма вид-

ное и въ полномъ смыслѣ эпическое явленіе нашей исторіи. Историкъ распространяетъ смыслъ богатырства и на всѣ другія, съ виду однородныя, явленія жизни. Онъ ставитъ его общеою характеристическою чертою нравственной жизни общества, а слѣдовательно типическою чертою жизни отдѣльныхъ лицъ. Съ этою цѣлью онъ даетъ намъ эпическую характеристику богатыря, рисуетъ вообще сильнаго человѣка нашей старины: «Молодой человѣкъ чувствуетъ тяжкій грузъ силы, чувствуетъ тоску по стени, и говоритъ матери: «Ай же ты, государыня, моя матушка! давай же прощеньице-благословеньице: поѣду я во далече-далече чисто поле, хочу разгонять бурушка косматаго, хочу поразмять своего плеча богатырскаго, спробовать силы-удали молодецкія. Долго ли мнѣ жить во глуномъ, во маломъ во ребячествѣ, ходитъ мнѣ дома по улицѣ широкія, съ ребятами тѣшиться»? Пока молодой человѣкъ не вырвется въ чисто поле, все онъ будетъ жить въ глуномъ, маломъ ребячествѣ: отъ глупаго ребячества до возмужалости нѣтъ переходнаго времени образованія! Страшенъ бывають сильный человѣкъ, вырвавшійся прямо изъ глупаго, малаго ребячества на полную волю, въ чистое поле, и начавшій разминать свое плечо богатырское. Пѣсни превосходно изображаютъ намъ эту расходившуюся силу, которая не сдерживается ничѣмъ; эти поэтическія изображенія объясняютъ намъ не одно явленіе не только въ древней, но и въ новой нашей исторіи, которая не могла разомъ отрѣшиться отъ

старыхъ условій. Илья Муромецъ, разсердившись, что его не позвали на пирь, стрѣляетъ по Божымъ церквамъ, по чуднымъ крестамъ и отдаетъ золоченныя маковки кабацкой голи на пронивъ, хочетъ застрѣлить князя Владимира съ княгиней. Когда Василій Буслаевъ расходился въ бою съ новгородцами, то не пощадилъ крестнаго отца. Мать, чтобъ унять расходившагося богатыря, заходитъ сзади и надаетъ на плеча могучія; богатырь говоритъ ей: «ты старушка лукавая, толковая! умѣла унять мою силу великую, зайти догадалась позади меня. А ежелибъ ты зашла впереди меня, то не спустилъ бы тебѣ, государынѣ матушкѣ, убилъ бы замѣсто мужика новгородскаго».

Вотъ основныя черты того характера, который служилъ типическимъ выраженіемъ нашей донетровской жизни, который управляетъ этою жизнію во всѣхъ ея крупныхъ и мелкихъ дѣлахъ. Какъ ярко и живо въ этомъ изображеніи выясняется намъ ликъ и самого Петра, этого послѣдняго богатыря нашей энической древности и перваго выразителя всѣхъ сознательныхъ элементовъ русской личности. Какое кровное, самое ближайшее родство чувствуется въ этихъ герояхъ, стоящихъ по ту и по сю сторону нашей исторической жизни. Восемь вѣковъ сливаются въ одинъ моментъ и обнаруживаютъ, что это люди не только одного и того же поколѣнія, но даже одной семьи. Историкъ далѣе еще больше уясняетъ намъ богатырскія черты старинной нашей личности. По поводу автобіографіи извѣстнаго протопопа Аввакума онъ

говорить: «Важность памятника (автобіографіи) заключается въ томъ, что онъ лучше другихъ памятниковъ переноситъ насъ въ Россію XVII вѣка, отъ которой мы отошли такъ далеко и явленія которой мы съ такимъ трудомъ понимаемъ, придавая историческимъ лицамъ XVII вѣка черты нашего времени, наши воззрѣнія и стремленія. Мы имѣли возможность узнать, что такое быть сильный человекъ въ древней Россіи, какъ силы богатыря мало сдерживались, какъ онѣ не были устроены и направлены воспитаніемъ и образованіемъ, ибо плеть и палка однѣ не могутъ содѣйствовать этому устроенію и направленію; какъ богатырь вырывался изъ отцовскаго дома, изъ-подъ отцовской плети и палки размять плечо богатырское, и что могло тутъ сдержать его? сама мать должна была заходить сзади, чтобъ унять расходившуюся силу. Подробности жизни Никона много уясняютъ намъ явленіе этихъ богатырей среди общества, не выработавшаго нравственныхъ сдержекъ для хаотическихъ богатырскихъ силъ. До тѣхъ поръ, пока мы не перенесемъ въ XVII вѣкъ и не взглянемъ на Никона, какъ на богатыря въ патріаршей митрѣ и саккосѣ, до тѣхъ поръ это явленіе останется для насъ загадочнымъ, а Никонъ не перестанетъ изумлять насъ своею силою и безсиліемъ. Въ соотвѣтствіе богатырю-патріарху, XVII вѣкъ выставляетъ намъ богатыря-протопопа, вслѣдствіе несдержанной силы ставшаго заклятымъ врагомъ Никона и расколоучителемъ. Аввакумъ въ драгоцѣнномъ житіи своемъ является не одинъ, но окру-

женный цѣлою дружиною подобныхъ ему богатырей, которые расходились въ защиту двуперстнаго сложенія и двойной аллилуйи и не могли найти себѣ удержу; тутъ же близко познакомимся съ особаго рода богатырями-юродивыми, которымъ также грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени, и которые освобождаются отъ этого бремени тѣмъ, что ходятъ въ лютые морозы босикомъ въ одной рубашкѣ: толпа, видя проявленіе такой силы, вполнѣ вѣритъ и подвигамъ Ильи Муромца и Добрыни Никитича, какъ рассказываются они въ сказкѣ и поются въ пѣснѣ».

«Въ житіи Аввакума встрѣчаемъ мы и старыхъ своихъ знакомыхъ, воеводъ, такихъ охотниковъ давать чувствовать свою силу, встрѣчаемъ и сибирскихъ воеводъ, этихъ русскихъ Кортесовъ и Пизарро, которые ходятъ на ирискіи новыхъ земель и которые совершенно разнуздались въ далекой странѣ, среди дикихъ звѣрей и дикихъ людей. Наконецъ встрѣчаемся и съ дикою силою толпы, которая такъ легко выражается въ насиліи».

Итакъ, вотъ смыслъ того богатырства, которымъ по преимуществу характеризуется эпоха и люди. Это, стало быть, богатырство дикой, первозданной силы, неустроенной и необразованной воспитаніемъ, богатырство необузданной или разнузданной воли, отъ которой самому богатырю становится грузно, какъ отъ тяжелаго бремени, — это богатырство первозданнаго своеволія и самовластія. Конечно, богатырство, въ этомъ распространеніи своего смысла и значенія, теряетъ уже свой истин-

ный, поэтический типъ, весьма опредѣленно и законченно выразившійся въ народномъ эпосѣ. Въ отношеніи исторической дѣйствительности оно является натяжкою, едва не карикатурою. Въ народномъ эпосѣ значеніе и даже происхожденіе этихъ богатырскихъ силъ очень понятно, — тамъ это не болѣе, какъ эпическое олицетвореніе силъ народнаго духа, олицетвореніе силъ и направленій всей жизни народа. Но, перенося эпическій смыслъ богатырства на мелкія и крупныя дѣла людей XVII вѣка, въ среду ежедневной дѣйствительности, мы уже имѣемъ дѣло не съ поэтической правдою, а съ правдою историческою, съ нравственнымъ историческимъ началомъ жизни и по необходимости должны спросить: откуда это начало, гдѣ его корень? Историкъ не отвѣчаетъ на этотъ вопросъ; онъ даже и не ставитъ такого вопроса, полагая, вѣроятно, что для уясненія дѣла достаточно одной параллели эпическаго богатырства съ дѣйствительнымъ богатырствомъ нравственныхъ дѣлъ XVII вѣка. А вопросъ очень любопытенъ и очень важенъ. Въ немъ ключъ къ разъясненію характера не только отдѣльныхъ личностей, но и цѣлыхъ событій нашей исторіи. Одною параллелью съ богатырствомъ эпическимъ объяснить его невозможно. Очевидно, что корни историческаго богатырства должны лежать въ той почвѣ, которая вообще именуется культурою народа, его нравственною и умственною выработкою или выправкою. Въ короткой характеристикѣ стариннаго обученія, историкъ мимоходомъ касается и этого вопроса. Замѣчая, что

«съ одной стороны древній русскій человѣкъ начиналъ очень рано общественную дѣятельность, недоноскомъ относительно приготовленія, образованія, съ неокрѣпшими духовными силами; съ другой стороны, онъ дѣлался самостоятельнымъ очень поздно, потому что вмѣсто широкой, нравственной опеки общества, онъ очень долго находился подъ узкою опекою рода, старыхъ родителей (старшихъ родственниковъ); но легко понять, какъ должна была дѣйствовать эта долгая опека на человѣка возмужалаго, который самъ былъ отцомъ семейства. Такимъ образомъ два обстоятельства вредно дѣйствовали на гражданское развитіе древняго русскаго человѣка: отсутствіе образованія, выпускавшее его ребенкомъ къ общественной дѣятельности, и продолжительная родовая опека, державшая его въ положеніи несовершеннолѣтняго, опека необходимая, впрочемъ, потому что, во-первыхъ, онъ былъ дѣйствительно несовершеннолѣтенъ, а во-вторыхъ, общество не могло дать ему нравственной опеки. Но легко понять, что продолжительная опека дѣлала его прежде всего робкимъ передъ всякою силою, что, впрочемъ, нисколько не исключало дѣтскаго своеволія и самодурства»¹).

Въ томъ-то и дѣло, что продолжительная опека прямо и непосредственно воспитывала это своеволие и самодурство, которое и составляетъ сущность

¹) Исторія Россіи Соловьева, т. XIII, 162, 172 — 174 206 и др.

указаннаго историкомъ богатырства, уже не эпическаго, а историческаго, какъ мы замѣтили, которое правильнѣе будетъ назвать не богатырствомъ, а господарствомъ. Въ томъ-то и дѣло, что не отсутствіе образованія, а именно слишкомъ тяжелое присутствіе извѣстнаго образованія, выразителемъ котораго былъ Домострой съ своими родоначальниками и родичами, и не отсутствіе со стороны общества нравственной опеки, а именно до крайности великое и осязательное ея присутствіе, до крайности сильно выработавшіяся, извѣстныя нравственныя сдержки всякой личной самостоятельности, — вотъ что именно воспитывало и развивало каждый личный характеръ и дѣлало его, съ одной стороны, робкимъ, ребенкомъ, дитятею предъ всякою силою, а съ другой — самовольнымъ, т. е. самовластнымъ предъ всякимъ отсутствіемъ силы, предъ всякимъ ребенкомъ по силѣ. Совершенно справедливо, что личный характеръ выступалъ къ общественной дѣятельности совершеннымъ ребенкомъ. Духъ этого «глунаго малаго ребячества» и былъ первою основою его нравовъ, и, стало быть, первою основою его поступковъ и подвиговъ. Но не потому онъ выступалъ въ общество ребенкомъ, что не было отъ глунаго ребячества до возмужалости переходнаго времени образованія: образованіе, имѣя слишкомъ общій, неопредѣленный смыслъ, даже и до послѣдняго времени плохо устраиваетъ нашу волю, которая въ общей сложности все-таки дѣйствуетъ еще по-дѣтски; — но главнымъ образомъ потому

старый нашъ предокъ вступалъ въ общество и жилъ въ обществѣ ребенкомъ, что не имѣлъ и малѣйшихъ представленій о возможности воли, т. е. о нравственной самостоятельности лица, на чемъ, конечно, должно бы сосредоточиваться всякое образованіе, но что всегда маскируетъ или и совсѣмъ отстраняетъ, какъ великую напасть, образованіе, поддерживаемое патріархальными или родовыми идеями. Мы знаемъ, что, напр., въ XVIII вѣкѣ было у насъ образованіе; однако оно даже въ образованныхъ личностяхъ нисколько не устраняло того эпического богатырскаго своеволія и самовластия, которое крѣпко еще держалось за старые русскіе корни и широко царствовало во всемъ быту. Мы вообще хотимъ сказать, что образованіе ничего не сможетъ сдѣлать, если вся общественная, и умственная, и нравственная культура питается противоположными ему началами. Тогда оно производитъ только печальные плоды и наиболѣе только жертвы умственныхъ и нравственныхъ несообразностей, какия всегда нарождаетъ борьба просвѣщенія съ закоренѣлымъ невѣжествомъ.

Точно то же мы должны сказать и о нравственной опеке общества. Если есть общество, то есть и опека, и именно нравственная. Весь вопросъ въ томъ, на чемъ общество стоитъ въ своемъ воззрѣніи на нравственное, что общество почитаетъ нравственнымъ? Ибо по этому вопросу каждый вѣкъ имѣетъ свои особыя созерцанія и убѣжденія. Наше общество было сильно лишь родовыми идеями, отчего мы и называемъ его не обществомъ, а родствомъ. Суще-

ство нравственной идеи, которая была руководителемъ всѣхъ помысловъ и поступковъ стараго русскаго человѣка, когда онъ стремился взойти на высоту нравственной жизни, заключалось въ томъ, чтобы во имя родового идеала сдерживать до приниженія нравственную свободу и нравственную самостоятельность личности. Въ умственной культурѣ для этого существовалъ цѣлый нескончаемый рядъ представленій о господствѣ надъ жизнью человѣка невѣдомыхъ демоническихъ силъ, предъ которыми самостоятельность и свобода личности поникала въ полное сознаніе своего безсилія и ничтожества. Въ нравственной культурѣ существовала идея отеческой опеки, предъ которою точно также нравственная самостоятельность и свобода личности поникала въ полное сознаніе своего дѣтства, стало быть, такого же ничтожества. Полное всестороннее подчиненіе ума и воли этимъ началамъ было нравственностью вѣка. Но въ одномъ знаменателѣ что же выражала эта нравственность? Полное отрицаніе самостоятельности нравственныхъ индивидуальныхъ силъ человѣка, полную его нравственную зависимость отъ постороннихъ силъ, передъ которыми онъ стоялъ безпомощнымъ ребенкомъ; словомъ сказать, полное и глубокое сознаніе своего безпомощнаго дѣтства, глупаго малаго ребячества, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ именно требовалась вѣра въ достоинство и нравственную высоту человѣческой природы, въ ея полную независимость ни отъ добрыхъ, ни отъ

злыхъ разныхъ силъ, т. е. независимость отъ пер-
возданныхъ языческихъ идеаловъ жизни.

Общество или, точнѣе, пропитанный идеями все-
сторонней опеки надъ личностью, общественный
умъ чутко и зорко сторожилъ всякое, и малѣйшее,
отступленіе отъ сознанныхъ имъ началъ жизни и
даже отъ самыхъ ихъ формъ. Дѣтство ума онъ охра-
нялъ и укоренялъ тѣмъ, что обзывалъ всякое его
движеніе страшнымъ въ то время словомъ: ересью,
а всякую книгу, не входившую въ кругъ его со-
зерпанія, еретическою. Дѣтство чувства и воли онъ
охранялъ и укоренялъ неустаннымъ преслѣдова-
ніемъ всякаго выраженія самостоятельности, по-
читая это гордостью, высокоуміемъ, самонадѣян-
ностью и т. п. нравственными грѣхами, и съ этой
цѣлью широко развивалъ идею смиренія, а въ сущ-
ности идею повинновенія, безграничнаго приниже-
нія личности во всевозможныхъ видахъ.

Такова была нравственная опека общества надъ
личностью, дѣйствовавшая во имя нравственного
совершенства, которое все сводилось, какъ мы
сказали, къ всестороннему отрицанію природныхъ
человѣческихъ требованій и природныхъ человѣ-
ческихъ достоинствъ личности.

Эта-то опека и создавала тотъ тяжелый, душ-
ный міръ, изъ котораго вырваться было возможно
только съ силою богатыря. Она-то и производила
богатырей необузданной воли; но не потому, что
недоставало имъ переходнаго времени образованія
или нравственной опеки общества, а потому, что
слишкомъ эта воля была занузdana. Тутъ стано-

вился сильнымъ естественный законъ, что крайность вызываетъ другую крайность; отрицаніе самостоятельности человѣка въ природѣ его нравственныхъ дѣлъ являлось отрицаніемъ въ немъ самомъ его человѣческихъ свойствъ и онъ, по неизбѣжной причинѣ, дѣлался звѣремъ своей воли, или, говоря отъ поэзіи, становился богатыремъ.

Для дѣйствій такой воли, конечно, необходимо было поле. Какъ только человѣкъ, послѣ 30-лѣтняго сидѣнья сиднемъ въ своемъ домѣ, т. е. въ домѣ, исполненномъ родительской и общественной оеки, выѣзжалъ въ поле, онъ богатырствовалъ, какъ Илья Муромецъ. Для однихъ, счастливыхъ, такимъ полемъ была власть, властное авторитетное положеніе въ обществѣ; для другихъ, угнетенныхъ и чѣмъ-либо утѣшенныхъ, такимъ полемъ было дѣйствительное поле, степь, куда, какъ въ нравственную и социальную отдушину, уходило все, что чувствовало себя не по себѣ въ этомъ тѣсномъ и душномъ жилищѣ всяческой оеки. Отсюда разбойная жизнь по большимъ дорогамъ и рѣкамъ, особенно на Волгѣ-матушкѣ, отсюда украинное казачество, отсюда усиленіе бродяжничества, т. е. въ сущности исканіе независимости и самостоятельности для личности, которая не могла иначе, т. е. лучше, разумнѣе, законнѣе и возвышеннѣе, понимать и чувствовать эти блага своей человѣческой природы. Отсюда развитіе нашего раскола и этотъ широкій нигилизмъ разныхъ его согласій и толковъ. И все это условливается однимъ и тѣмъ же началомъ нашего раз-

витія и всей нашей культуры, той же непомѣрною отеческою опекою, въ какой постоянно находился и до сихъ поръ находится нашъ умъ и наша воля; тою же родовою идеею, которая была главною и непосредственною воспитательницею и нашихъ добродѣтелей, и нашихъ пороковъ.

Съ перваго взгляда можетъ показаться очень страннымъ: старинная родительская философія и житейская практика со стороны всяческой власти стояла на томъ, чтобъ не давать воли малому, т. е. малому или меньшому во всѣхъ отношеніяхъ, и домашнихъ, и общественныхъ. Это было коренное неколебимое убѣжденіе вѣка въ его нравственной сферѣ, убѣжденіе, созданное развитіемъ и дѣлами самой жизни. Это было коренное, несомнѣнное начало, руководившее прежде всего воспитаніемъ дѣтей, слѣд. родительскою властью, а потомъ всякимъ начальствомъ, всякимъ управленіемъ въ житейской средѣ, начиная съ домовладычества и восходя до владычества въ какомъ либо воеводствѣ или намѣстничествѣ, или даже въ государствѣ. На этомъ началѣ крѣпко стоялъ смыслъ всякой власти, сколько бы ни была она мала или велика. Оно господствовало вездѣ и недонускало никакихъ другихъ понятій о подчиненныхъ, подвластныхъ, какъ только о дѣтяхъ, о малолѣтнихъ или о домочадцахъ, которыми управлять—значило не давать имъ воли. Сюда были направлены всѣ поученія, вся практическая философія того времени, вся жесточъ практическихъ вышолненій этой философіи.

Слѣдовало ожидать, что воля должна совсѣмъ утратить свою жизненную упругость, свою жизненную энергію. Внутри оно такъ и случилось. Восемивѣковой періодъ, жившій одною идеею, успѣлъ окончательно подавить, заглушить волю; но зато, взамѣнъ воли, этотъ многовѣковой періодъ успѣлъ вырастить самое безграничное своеволие, отъ котораго старина никакъ не могла отличить волю въ собственномъ смыслѣ. Вотъ почему въ нашей исторіи мы видимъ, что воля богатырствуетъ вездѣ, гдѣ только является своею волею. Мы видимъ, что волю бралъ всякій и вездѣ, гдѣ только являлась возможность и гдѣ не встрѣчалось другой, чужой воли, настолько сильной, чтобъ не давать забирать свою волю. Такимъ образомъ воля, какъ мы уже выше говорили, представлялась чѣмъ-то матеріальнымъ, внѣшнимъ, чѣмъ-то такимъ, что можно было давать и не давать, брать или не брать. Высокаго нравственнаго смысла человѣческой свободы она не имѣла, она носила одинъ лишь смыслъ животный, выражалась въ животныхъ формахъ и требовала животныхъ средствъ для направленія и отпращиванія своихъ дѣйствій.

Въ настоящемъ случаѣ мы не имѣемъ намѣренія останавливаться на перечисленіи всѣхъ видовъ богатырствованія, къ какимъ приводила вырвавшаяся изъ удушливой опеки своя воля личности. Въ исторіи намъ знакомѣ всего богатырствованіе властнаго человѣка, которое всегда поддерживалось и поддерживается обыкновенно положительными законами и учрежденіями. Оно всегда за

нихъ и прячется, какъ за каменную стѣну. Исторія нашихъ властныхъ отношеній, даже до сихъ дней, исполнена такого богатырствованія. Здѣсь идея опеки находила себѣ положительное и весьма широкое выраженіе, ибо всякая власть сама по себѣ имѣла авторитетъ, смыслъ власти отеческой, въ-ками освященной.

Должно вообще замѣтить, что если мы хорошенько всмотримся въ это богатырство необузданнаго самовластія, которымъ исполнена наша исторія, хорошенько вникнемъ въ непосредственныя и посредственныя причины этого всеобщаго жизненнаго явленія, то едва ли станемъ удивляться даже и такому типу нашего самовластнаго богатырства, какимъ былъ Иванъ Грозный. Народъ ему и не удивлялся. Онъ вынесъ его, какъ странную стихійную грозу, съ чувствомъ страха, съ чувствомъ ежеминутной гибели, съ мыслью, что тутъ ничего не подѣлаешь, что это бушуетъ и все громитъ необѣдимая первозданная стихія. Народъ потому и не удивлялся, что здѣсь на самомъ дѣлѣ бушевала первозданная стихія его быта; оттого бушевала, что воплотилась въ самые широкіе размѣры личной воли старшаго. Народъ, напротивъ, отнесся къ Грозному не только безъ всякой ненависти, но и съ большимъ сочувствіемъ, какъ къ эпическому богатырю—покорителю татарскихъ царствъ и выводителю измѣны изъ Русской земли. Очень понятно, что на сентиментальный взглядъ нашихъ отцовъ и на гуманный взглядъ нашихъ современниковъ такой разгулъ нашей первозданной стихіи

не только возмутителенъ, но и ни съ чѣмъ не сообразенъ и совсѣмъ непонятенъ; однакожъ въ свое время онъ былъ терпимъ, онъ былъ въ порядкѣ вещей, онъ былъ въ сущности только наиболѣе сильнымъ, выуклымъ выраженіемъ той же нравственной богатырской, волюнъ эпической силы, которая руководила жизнью всей народной массы, которая проявляла себя повсюду.

Мы вообще напрасно думаемъ, что богатырство самовластія являлось характерною чертою только въ органахъ государственной правительственной власти. Оно было существеннымъ характеромъ всякой власти, какъ въ домашнемъ, такъ и въ общественномъ и политическомъ быту. Самое существо власти, какъ мы уже говорили, иначе не представлялось, иначе не понималось, какъ подъ видомъ самовластія; самое существо человѣческой свободы и представлялось, и понималось только подъ видомъ того же—само-властія. Лѣтописецъ, восхваляя Рюрика Ростиславича Кіевскаго († 1215), даетъ его личности такую общую характеристику: «слова честна, дѣла благолюбна, держава самовластна, изваяная славою паче звѣздъ небесныхъ, нетокмо въ рускыхъ концѣхъ вѣдома, но и сущимъ въ морѣ далече»... Ясно, что этимъ выраженіемъ лѣтописецъ обозначаетъ силу, крѣпость, самостоятельность и слѣд. политическую свободу Рюриковой княжеской власти. Самое это слово: само-властіе—въ старыхъ поученіяхъ толкуется прямо именованіемъ человѣческой свободы. «Іоаннъ Златоустый рече, говоритъ одно учитель-

ное слово: яко все во человекѣхъ есть и добро и зло; да егда хочетъ добро творитъ, то добродѣть; а иже хочетъ дѣети зло, то дѣеть зло. Богъ же ни добру нудить, ни ко злу влечеть, но самовластна сотвори Богъ человекѣка, да по самовластію сотворишь или добро или зло... Богъ учитъ человекѣка добру, а дѣволъ злу учитъ, а человекѣкъ во обоемъ самовластенъ»...

Недаромъ Грозный явился вмѣстѣ съ Домостроемъ. Исторія выразила въ этихъ двухъ формахъ многовѣковые плоды русской жизни. Домострой былъ вполне законченнымъ словомъ ея нравственнаго и общественнаго идеала. Грозный былъ самымъ дѣломъ того же идеала, также вполне законченнымъ, послѣ котораго русская жизнь должна была идти уже по другому направленію, искать другого идеала. Грозный окончилъ самый запутанный актъ русской драмы—исторіи. Онъ указалъ дорогу къ высвобожденію личности и обрисовалъ собою будущую личность освободителя личности, Петра. Послѣ Грознаго старина опять было вздохнула въ лицѣ боярскаго царя Шуйскаго; но напрасно Шуйскій провозглашалъ возстановленіе ветхаго права боярскаго думы ограничивать волю самодержца—его голосъ не былъ никѣмъ услышанъ. Государево дѣло уже вынадало изъ боярскихъ рукъ и становилось дѣломъ всей Земли. Земля требовала новой жизни, новыхъ силъ развитія, искала новыхъ идеаловъ... Цѣлые сто лѣтъ прошли въ смутахъ и волненіяхъ. Земля двигалась изъ конца въ конецъ, двигалась въ самой

глубинѣ своихъ убѣжденій и воззрѣній. Приближалось что-то невѣдомое, новое... Тѣмъ сильнѣе подымалось все старое и высказывалось въ самыхъ рѣзкихъ, послѣднихъ очертаніяхъ. Званный идеаль наконецъ явился въ образѣ Петра, уже не перваго отца и перваго господаря обществу, а перваго его слуги, перваго неутомимаго работника. Это уже нашъ идеаль и насъ отъ него отдѣляетъ только старая прапрадѣдовская форма самовластія, завѣщанная еще Грознымъ, которую Петръ по необходимости носилъ, потому что въ ней и родился, и оттого такъ ей и сочувствовалъ.

Итакъ, самовластіе было жизненнымъ началомъ стараго русскаго быта; оно было олицетвореніемъ родовой идеи, которая построила нашъ бытъ. Оно во имя этой идеи держало личность многіе вѣка въ нескончаемомъ дѣтствѣ и во всякой крѣпости. Естественно, что по этому пути оно должно было выработать для личности условія самаго низменнаго, рабскаго приниженія предъ всякою властью.

Но какъ ни было широко рабское приниженіе личности подъ тяжестью родовой самовластной идеи, все-таки это приниженіе не имѣло въ себѣ того характера, которымъ обозначается дѣйствительное рабство, полное рабство азіатское, африканское, или даже юридически выработанное рабство западной Европы. Русское рабство, къ которому привело народъ, повторимъ еще, широкое, всестороннее развитіе въ жизни родовой идеи, никогда не было, да и быть не могло такимъ полнымъ, законченнымъ рабствомъ. Въ сущности это

было дѣтство, а не рабство. И если это дѣтство выразалось, дѣйствительно, въ унижительныхъ рабскихъ формахъ, то въ этомъ сказывалась только наивная перевозданная природа родовыхъ отношеній, возвышавшая непомѣрно родительскую власть, а по ея идеалу и всякую другую власть. Людскія отношенія кристаллизовались по одному и тому же вездѣ присутствовавшему идеалу отношеній семейства, гдѣ старшая власть, даже и возрастныхъ, и стариковъ, и всѣхъ равняла съ малолѣтними, а потому равно отъ всѣхъ требовала къ себѣ отношеній дѣтства, а не равенства. Эти-то отношенія дѣтства, въ которыхъ въ нашемъ быту выражались людскія отношенія ко всякой предержавшей власти, представляются по естественной причинѣ формами рабства и даже самымъ рабствомъ, по той простой причинѣ, что здѣсь большіе, старики, вообще люди уже независимые и самостоятельные, являются по формѣ отношеній къ старшей ихъ власти совершенными дѣтми. Ярче всего приниженіе русской личности выразилось въ пресловутомъ челобитьѣ, въ этомъ битьѣ головою до земли, безъ котораго невозможно было встрѣтить какую-либо власть, и особенно очень старшую, т. е. господарскую, владѣющую, стало быть, въ полномъ смыслѣ родительскую, напр., помѣщичью, воеводскую, а тѣмъ болѣе царскую. При всемъ томъ наше челобитье по существу своему являлось лишь первородною формою чести, какую должны были воздавать дѣти родителямъ. Другого смысла оно въ себѣ не носило. Это была форма родового при-

личія, форма сыщовняго нощенія къ родителю, которая распространилась и на общественныя отношенія, потому что все общество организовалось силою родового духа, вводившаго повсюду свои уставы и порядки, свой строй жизни. Отъ родового корня пошла наша внутренняя, нравственная жизнь, отъэтого корня произошли, народились и всѣ ея формы, не исключая даже и государственной. Вотъ почему въ нашемъ рабствѣ, въ его существѣ, постоянно скрывалось какое-то родственное благодушіе, смягчавшее даже и силу крѣпостныхъ отношеній, такъ что рабъ и холощъ становились у насъ дѣтьми, чадами дома, рабскія и холощскія формы отношеній всегда пріобрѣтали смыслъ отношеній дѣтскихъ, вообще отношеній малолѣтства къ возрастнымъ.

Особенно живую картину такихъ именно отношеній представляетъ, напр., царскій отпускъ полковыхъ воеводъ въ походъ на польскаго короля, происходившій 23 апр. 1654 г., при царѣ Алексѣѣ. На отпускѣ, какъ и на пріѣздѣ къ государю, бояре и всѣ другія лица, которыя допускались видѣть его пресвѣтлыя очи, обыкновенно цѣловали его руку, что и называлось вообще: быть у государевой руки. Каждый, по порядку подходя къ государю, сначала поклонялся до земли, цѣловать руку, а затѣмъ, отошедши, оиять кланялся до земли. Въ настоящемъ случаѣ торжественный отпускъ совершался въ Успенскомъ соборѣ, послѣ молебна. Тутъ же всѣхъ полчанъ царь звалъ къ себѣ хлѣба ѣсть. Столъ былъ въ Передней избѣ. Послѣ стола,

послѣ кубковъ и медовъ, двадцатипятилѣтній царь прощался съ полчанами и особенно съ главнымъ воеводою кн. Алексѣемъ Никитичемъ Трубецкимъ. «И царь паки звалъ бояръ и воеводъ къ рѣкѣ. И бояре шли единъ за единымъ. И царь кн. А. Н. Трубецкаго своими царскими руками принялъ къ персемъ своимъ, главу его, для его чести и старѣйшинства, зане многими сѣдинами украшенъ и зѣло мужъ благоговѣинъ и изященъ и мудръ въ божественномъ писаніи и предивенъ въ воинской одеждѣ и въ воинствѣ счастливъ и недругомъ страшенъ. И кн. А. Н. Трубецкой, видя такую отеческую премногую и прещедрую милость къ себѣ, паки главою на землю ударяется¹⁾ со слезами, до тридесять кратъ».

На прощаньи съ меньшими полчанами, дворянами и жильцами, государь угощалъ ихъ изъ своихъ рукъ бѣлымъ медомъ и говорилъ рѣчь, на которую они отвѣчали также рѣчью и поклонялись до семи кратъ.

Все это черты отношеній по преимуществу дѣтскихъ, отношеній меньшей родни, а не рабовъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ господствовало наиболѣе чувство родства — отечества и дѣтства, а вовсе не чувство рабства; господствовало чувство тѣсной, неразрывной родовой связанности людей, а не чувство юридически выработанныхъ отноше-

1) Очень примѣчательно, что въ подлинникѣ эта фраза: «главою на землю ударяется», измѣнена собственноручною припискою царя слѣдующимъ образомъ: поклоняется до земли, Столбцы Тайн. Прик. въ Госуд. Архивѣ.

ній рабовъ къ господину. Въ глубинѣ этихъ-то чисто-родовыхъ отношеній и скрывается весь смыслъ нашей исторіи, нашей нравственной и общественной культуры.

Если мы согласимся, что таковы были бытовые нравственные силы, дѣйствовавшія въ нашемъ допетровскомъ обществѣ, то вопросъ: какое положеніе занимала въ этомъ обществѣ женская личность, уясняется самъ собою. Если идея личности совсѣмъ не была сознаваема, то могла ли существовать самая мысль о самостоятельномъ положеніи личности женской. Но причинамъ, указаннымъ выше, эта личность почиталась малолѣтней по преимуществу, почиталась ребенкомъ, надъ которымъ была необходима самая полная опека. Въ началѣ главы мы замѣтили, что положеніе женской личности въ какомъ-либо обществѣ всегда и вполне рисуется положеніе самого общества, т. е. состояніе его умственныхъ и нравственныхъ силъ, состояніе его образованности и гражданской свободы. Поэтому, какую правду сознающая и разсуждающая мысль говоритъ о женской личности въ данную эпоху, тою же правдою вполне должно характеризоваться и то общество. Строгая характеристика Котошихина, перенесенная съ женской личности на цѣлое древнерусское общество, очень вѣрно опредѣляетъ существенныя черты его положенія, его умственного и нравственного состоянія. Можно дознаться, выражаясь словами Котоши-

хина, отчего бѣ такому обществу быть гораздо разумнымъ и смѣлымъ, т. е. свободнымъ, когда грамотѣ оно неученое (умственно неразвитое) и не обычай тому есть; когда, отъ младенческихъ лѣтъ и до старости, оно живетъ въ тайныхъ покояхъ, т. е. во всякой умственной и нравственной онекѣ и цензурѣ, и никого и ничего не видитъ, т. е. ничего не знаетъ оирнчь самыхъ ближнихъ, родственныхъ учений и наказаній Домостроя. Можно дознаться, отчего такое общество породнымъ разумомъ простовато, на отговоры несмысленно и стыдливо, т. е. отчего оно неподвижно цѣлыя столѣтія, отчего въ немъ не дѣйствуетъ живая сила человѣческой свободы и нѣтъ въ немъ развязныхъ свободныхъ движеній ума и воли. Это общество, какъ берегло женскую личность отъ сторонняго глаза, отъ міра — свѣта, такъ оно берегло и само себя отъ всякаго умственного свѣта, въ песказаемой боязни, что, какъ проникнетъ къ нему такой свѣтъ, то растлѣнными явятся всѣ основы его нравственности... Оно точно также жило за замками въ высококомъ терему, именно въ терему своихъ многовѣковыхъ душиныхъ и тѣсныхъ возрѣній на свободу личности вообще и на самую свободу въ особенности. Оно все крѣпче и крѣпче притворяло этотъ теремъ, все плотнѣе обгораживало его высокимъ тыномъ церковныхъ, государственныхъ, общественныхъ, домашнихъ запрещеній и разныхъ анаѣемъ, такъ что личность, вслѣдствіе напора самой исторіи, самой жизни, вырвавшаяся, наконецъ, изъ этого терема, ничѣмъ другимъ не могла явиться, какъ полнѣй-

шимъ нигилистомъ, всестороннимъ отрицателемъ всего прожитаго, потому что въ этомъ прожитомъ она видѣла и знала только одну полицейскую опеку родовой власти и никакихъ общечеловѣческихъ силъ развитія. Оттого и послѣдовалъ такой быстрый разрывъ общества съ своею стариною, которую оно очень скоро совсѣмъ забыло. Съ XVIII вѣка отрицаніе стало жизненною силою нашей общественной культуры. Мы отказались сами отъ себя, ибо ничего въ себѣ не чувствовали и не находили положительнаго, основнаго, съ чѣмъ бы возможно было показаться въ люди. Этотъ новый двигатель нашей жизни, съ особенною силою работавшій въ XVIII ст., еще продолжаетъ свое существованіе и до сихъ поръ. Онъ лучше всего и со всѣхъ сторонъ выразился и пластически насъ изобразилъ въ нашей литературѣ. Къ нашему счастью, нынѣшнія реформы вносятъ въ нашу жизнь дѣйствительно положительныя основы развитія, которыя и не замедлятъ совсѣмъ упразднить уже въ высшей степени обветшавшее начало родовой самовластной опеки съ ея неизмѣннымъ сопутникомъ — отрицаніемъ и всяческимъ нигилизмомъ.